

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра

«Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Гражданское право и международное частное право

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему Оспоримые сделки в российском гражданском праве

Обучающийся

В.В. Наследов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Кандидат юридических наук А.В. Сергеев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Правовая природа оспоримых сделок.....	6
1.1 Проблемы разграничения оспоримых и ничтожных сделок	6
1.2 Понятие и сущность оспоримых сделок.....	16
в российском гражданском праве.....	16
1.3 Конвалидация оспоримых сделок	21
Глава 2 Специфика оспоримых сделок	25
2.1 Отдельные разновидности оспоримых сделок.....	25
2.2 Особенности оспоримых сделок, заключённых гражданами и юридическими лицами	28
2.3 Правовые последствия сделок, признанных недействительными ...	32
Глава 3 Проблемы правоприменения и перспективы развития гражданского законодательства Российской Федерации в сфере исследования	36
3.1 Правоприменительные аспекты признания	36
недействительности оспоримых сделок	36
3.2 Перспективы совершенствования гражданско-правового	51
регулирования института оспоримости сделок	51
Заключение	54
Список используемой литературы и используемых источников	60

Введение

Проблема оспоримых сделок является одной из наиболее острых для института гражданского права не только в России, но и за рубежом, так как сама возможность оспаривания того или иного соглашения является гарантией соблюдение гражданско-правовой законности на территории той юрисдикции, где была заключена данная сделка и к которой она может относиться по каким-либо другим критериям. При этом крайне часто последствия признания сделок недействительными заключаются при этом нестандартных способов по улучшению материального благосостояния, что, в свою очередь, является особенно важным в условиях нарастающего геополитического европейского кризиса, реструктуризации экономики, а также необходимости в поиске дополнительных источников дохода как для физических, так и для юридических лиц. Так, по данным информационного портала «СудАкт.Ру» только в 2022 году в базе данного агентства оказалось более 10000 дел, где аффилированной статьей выступала норма 166 Гражданского кодекса Российской Федерации – «Оспоримые и ничтожные сделки» (далее – ГК РФ) [1]. Несмотря на то, что тема признания сделок недействительными прекрасно освещена в научной юридической литературе, исследование вопросов именно оспоримых сделок является, в определенной степени, редким явлением, поэтому изучение и переосмысление данного института с точки зрения современной правоприменительной практики, с точки зрения современного трактования гражданского права может являться крайне полезным и актуальным для современного цивилиста [50].

Работа основано на трудах современных авторов, а также на исследованиях известных мыслителей в области отечественной и зарубежной цивилистики, в том числе следующих: С.С. Алексеева, С.И. Архипова, С.С. Солохина, Т.Н. Бурибаева, А.А. Гачиной, О.В. Голеневой, О.В. Гутникова, Е.В. Голобородкиной, Л.Б. Дамбаевой, Е.Ю. Меркулиной, А.Н. Сахарова, А.Е. Тетёркина, Е.М. Тужиловой-Орданской, А.С. Гаврюшко, Ж. Суэян, Р.

Вуландари, Т.Б. Бамганг, Дж. Дэвиса и многих других исследователей. Кроме того, в работе приводятся цитаты древнегреческого философа Сократа.

Объект исследования – сделки с точки зрения гражданского права.

Предмет – оспоримые сделки в российском праве.

Цель исследования – разработка законопроектов и путей совершенствования российского законодательства, касающегося института оспоримых сделок в Российской Федерации.

Задачи исследования:

- Перечислить проблемы разграничения оспоримых и ничтожных сделок;
- Дать определение оспоримым сделкам, определить их цели и задачи;
- Рассмотреть понятие конвалидации оспоримых сделок;
- Исследовать отдельные разновидности оспоримых сделок;
- Изучить особенности оспоримых сделок, заключённых между гражданами и юридическими лицами;
- Перечислить правовые последствия сделок, признанных недействительными;
- Рассмотреть правоприменительные аспекты признания недействительности оспоримых сделок;
- Определить возможные перспективы совершенствования гражданско-правового регулирования института оспоримости сделок.

Гипотеза исследования: уменьшение количества оспоримых сделок может заключаться в более глубоком использовании современных информационных технологий.

В работе использовались общие научные, а также специальные юридические методы: формально-логический научный метод придал работе необходимую структуру, связав параграфы в единое целое; абстрактно-логический научный метод был использован при проектировании примеров,

способных наиболее ярко проиллюстрировать разницу между оспоримыми и ничтожными сделками; формально-исторический научный метод добавил исследованию исторической преемственности, свойственной большинству работ в области гражданского права; метод сравнительного анализа помог при разработке выводов исследования, в особенности в части, касающейся судебной практики; наконец, формально-юридический научный метод привнёс в работу абсолютную правовую нейтральность, позволив трактовать исследуемые нормы, а также предлагать пути их дальнейшего развития, безотносительно политических взглядов автора. Нормативную основу работы составил Гражданский кодекс Российской Федерации. При этом особенное внимание исследования уделялось статьям 158, 173, 174, 171, 172, 175, 176, 177, 178, 169, 179 ГК РФ.

Эмпирической основой исследования выступил анализ базы информационного портала «СудАкт.Ру», а также германского справочника судебной практики «Rechtsportal.de».

Научной новизной данного исследования выступают предложениях по усовершенствованию российского законодательства в статье 168 ГК РФ, а также в разработке методики постепенного внедрения системы регистрации сделок с недвижимостью Торренса и последующем использовании данного опыта при проведении других операций, не связанных с недвижимостью. При этом практическая значимость данной работы заключается в возможности использования представленного материала для ознакомления с институтом оспоримых сделок, для подготовки к судебным заседаниям, касающимся признания недействительными, а также в качестве краткого учебного пособия для разных форм обучения юриспруденции и праву.

Работа состоит из трёх глав, восьми параграфов, введения и заключения, а также списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Правовая природа оспоримых сделок

1.1 Проблемы разграничения оспоримых и ничтожных сделок

Один из основателей классической европейской философии Сократ, живший в V веке до нашей эры, сказал: «В споре рождается истина» [110]. Так, именно спор как философская категория и одна из проблем философии может выступать в качестве основы установления законности. Современная юридическая наука рассматривает спор не только в качестве юридического факта, но и процесса, который не всегда является предопределяющим его сторонами [64]. Заметим, что при обращении к государству как к инстанции, определяющей законность и обладающей монополией на насилие, заявитель приходит к тому, что государство начинает разбираться не только по существу самого спора, но и задается вопросом: «А можно ли вообще признать то, по поводу чего ко мне обратились, оспоримым?» В этом заключается философско-правовая природа оспоримой сделки: в споре действительно рождается истина, но возможность оспаривания является неоднозначной категорией, поэтому свои претензии на истинность, на истину надо доказывать установленными государством рамками, в контексте нашего исследования – российским законодательством [2, с. 67].

Обратимся к генезису понятия оспоримой сделки.

В конце XIX – начале XX века происходило становление и развитие российского частного права. Так, новые юридические концепции разрабатывались в рамках кодификации гражданского законодательства (1905 г.). Российская цивилистика формировалась под влиянием таких учёных юристов, как Ю.С. Гамбаров, Н.Л. Дювернуа, Д.И. Мейер, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич и ряда других исследователей [83]. После 1917 г. в России развивалась иная правовая система, частноправовые начала резко отвергались. Однако идеи частного права существовали и в советское время,

последовательно описываемые М.М. Агарковым, С.Н. Братусем, С.Ф. Кечекьяном, Я.Ф. Миколенко, Б.Б. Черепахиным [50, с. 73]. И если в СССР не существовало частной собственности, то оставалась собственность личная. При этом институт личной собственности с точки зрения правовой доктрины продолжал функционировать по тем же юридическим принципам, как и до прихода большевиков к власти. В этом смысле никто не отменял право на заключение сделки, так как истоки института сделок и их оспаривание имеют глубинный естественноправовой характер своего возникновения.

Весьма тщательно разрабатывалась и проблема порождения последствий недействительных сделок. Дореволюционные цивилисты склонялись к тому, что недействительность сделки не остаётся без юридических последствий (Г.Ф. Шершеневич). Иной точки зрения придерживалась другая группа дореволюционных цивилистов (Н.Л. Дювернуа, И.А. Покровский). Н.Л. Дювернуа различал сделку-акт и сделку-эффект, фактически сформулировав такой признак недействительности сделки как отсутствие направленности на наступление правовых последствий (эффекта), когда под сомнение ставится сам факт заключения сделки. И.А. Покровский одним из первых назвал несоответствие внутренней воли и внешнего волеизъявления стороны сделки основанием признания её недействительности [50, с. 73]. Можно сказать, что И.А. Покровский обращал особенное внимание на субъективность природы сделки, однако отсутствие человеческой воли (желания) заключить сделку – это далеко не единственный аспект оспоримости, при этом он может считаться определяющим, центральным признаком гипотетического оспаривания.

Собственные подходы к оценке природы недействительности сделок формулировали и советские исследователи. Так, М.М. Агарков, О.С. Иоффе ограничивались указанием на обязательное соответствие волеизъявления воле. В современной отечественной цивилистике считается, что недействительная сделка не может приводить к планируемым сторонами правовым последствиям. Введённая в 2013 г. презумпция оспоримости

сделки – органичный элемент современного гражданского права. Развитие института недействительности сделок предполагает максимализацию охраны частных начал добросовестных субъектов рассматриваемых нами отношений [88].

Здесь важно отметить, что подобные процессы носят всеевропейский характер, а институт оспоримости сделок развивается вместе с институтом гражданского права [105]. Например, в польской юриспруденции оспоримые сделки рассматриваются, в том числе, и в качестве эксплуатирующих личность [116, с. 130]. В этом смысле в условиях развития современного гражданского права объективно возрастает роль частных, диспозитивных начал, в частности, в рамках совершения и исполнения сделок. Эти тенденции основаны как на поступательном развитии материального и процессуального права в современной России, устойчивом применении норм законодательства РФ [2], так и на социальных и правовых реалиях, связанных с рыночной природой экономики государства и необходимостью в более тщательном нормативно-правовом регулировании общественной жизни [3].

Проблема разграничения тех или иных понятий в гражданском праве является одной из самых обсуждаемых в научной юридической среде. Когда же дело касается таких схожих правовых категорий, как оспоримые и ничтожные сделки, то возникает проблема трактования правовых норм для той или иной правовой системы, в частности – российского законодательства [40, 49].

Ряд авторов указывают, что разница между оспоримыми и ничтожными сделками заключается в том, что оспоримые сделки признаются недействительными именно судом (что в целом соответствует филологическому значению корня «спор»). Так, любой спор, не закончившийся каким-либо соглашением между разными сторонами, как правило, разрешается именно в судебной инстанции (если не выходить за пределы правового поля) [54, с. 417].

Возникает резонный вопрос: а в чём же тогда отличие ничтожной сделки, если её также можно оспорить в суде? По крайней мере, это не противоречит правовой традиции. Так, Е.Ю. Меркулина отмечает, что ничтожные сделки являются противоречащими публичным интересам, иными словами, такие сделки противоречат законодательству юрисдикции, на которой она осуществляется и к которой она как-либо относится [53, с. 26]. Вместе с тем, вопрос о противоречии публичным интересам является в определённой степени спорным, так как само понятие «ничтожность» подразумевает отсутствие влияния, и, если сделка не имеет правовых последствий, то она не может представлять опасности ни для государства, ни для общества, ни для каких-либо других правовых институтов. В этом смысле опасность исходит, скорее, от субъектов (чаще – одного субъекта), вступающих в заведомо бессмысленное правоотношение, иногда злонамеренно, иногда ввиду элементарной правовой безграмотности.

Приведем абстрактный пример. Два гражданина (подданных, апатрида) решили заключить договор займа, однако письменная форма такого соглашения была нарушена, так как стороны использовали вместо бумаги землю, нарисовав палочками только лишь сумму займа, а также обозначив сторон сделки.

Разумеется, такая сделка является ничтожной только лишь потому, что она, очевидно, не отвечает не только действующему законодательству, но и правовому обычаю. При этом ни заемодавцу, ни заёмщику фактически бессмысленно обращаться в суд с гражданским иском для того, чтобы доказать, что такая сделка является неправильной, не отвечающей тем или иным интересам, что она является нарушающей закон и т.д. И так как такая сделка не имеет должного оформления, не имеет необходимого закрепления, которое может послужить доказательством того, что она была осуществлена, нет смысла обращаться в суд, так как отсутствуют какие-либо доказательства её заключения [4].

Какая же сделка была бы оспоримой? Если бы те же самые субъекты (стороны) заключили бы соглашение уже на бумаге, при этом, допустив ряд неочевидных нарушений: например, заем был передан не полностью, имел кабальный характер, подписывался неуполномоченными лицами, содержал орфографические либо пунктуационные ошибки и т.д. В этом случае сделка не является ничтожной априори, однако утверждать её неправильной (в данном контексте – ничтожной) может только государство, наделенное властью, в лице суда.

К неочевидным признакам разграничения ничтожности и оспоримости сделок также можно отнести и тот факт, что по мнению некоторых авторов право требования признания сделки ничтожной может принадлежать третьей стороне, в то время как для оспоримых сделок такое требование может относиться только лишь к стороне самой сделки [46, 49]. Кроме того, ничтожные сделки не могут престать быть таковыми ввиду их неправильной (противоправной, неюридической, ошибочной) природы.

Возвращаясь к примеру с каракулями на земле в качестве договора займа, представляется очевидным, что заключение надлежащей формы такого договора будет являться новой сделкой, другой сделкой, но никак не исправит уже ничтожную сделку. Кроме того, с точки зрения публичности не в интересах государства и общества признание подобных сделок, так как иное могло бы привести к хаосу и отсутствию законности.

Ничтожность сделки также подразумевает, что даже при согласии сторон соглашения и отсутствии взаимных претензий, сделка всё равно продолжает считаться ничтожной. Даже в случае, если граждане, нарисовавшие сумму займа палочками на земле, выполнят условия своего устного соглашения, сама сделка от этого не станет действующей. То есть, отсутствие взаимных претензий не перечёркивает ничтожности, так как стороны не обязаны выполнять эти условия, а их действия в виде возврата займа и его принятия являются ничем иным как жестом доброй воли,

действием по принятию денежной суммы, но к формальной сделке это не будет иметь никакого отношения [53, с. 26].

Следует также отметить, что разграничение на оспоримые и ничтожные сделки является специфической особенностью именно российской юриспруденции, однако это вытекает не из правовых норм российского права, а из филологического толкования понятий «оспоримый» и «ничтожный». По общему правилу ГК РФ всё, что не выражено в нормативно-правовых актах, подлежит толкованию с помощью правового обычая, хотя зачастую, даже в рамках вынесения судебных решений, подобные понятия смешиваются, что является грубой правовой и филологической ошибкой [5].

Тем не менее, существуют также исключения для исправления ничтожности сделок. Это так называемая конвализация сделок.

Следует отметить, что возможность конвализации является относительно новой, к примеру, для современного российского права, и она не использовалась в советской цивилистике. С точки зрения теории права пример с каракулями на земле является фантастическим и призван проиллюстрировать ярко выраженную ничтожность сделки, однако реальные жизненные ситуации зачастую требуют признания неправильно оформленных сделок либо неполностью соответствующих законодательству [107]. Например, сделка, где одной из сторон соглашения являлся несовершеннолетний, также может повлечь определённые последствия, вне зависимости от ничтожности либо действительности сделки [6].

Зачастую конвализация может использоваться также и для уже умерших, бывших субъектов правоотношений. Приведем следующий пример: суд выявил в том или ином соглашении признаки ничтожности, однако ряд признаков указывают на реальное исполнение всех обязательств, что несоответствия законодательства были вызваны, скорее, непреднамеренными ошибками (опечатками), чем незнанием закона, непониманием его трактовки, неосознаванием своих действий и т.д. В этом

случае государству в лице суда выгоднее признать, в том числе и ничтожную сделку [108, с. 193].

С точки зрения теории права важно понимать, что ничтожная сделка всё-таки является сделкой, то есть выступает в качестве юридического факта, иначе у исследователя не возникло бы вопросов по её разграничению, возможности конвалидации, утверждения о её противоправности и т.д. Кроме того, оспоримая сделка, исходя из того, что ничтожная сделка может быть подвергнута конвалидации, может являться ничтожной в прошлом.

Интересным представляется и тот факт, что некоторые исследователи указывают, что ничтожные сделки в принципе не существуют в природе, что законодательство, в котором есть подобные упоминания противоречит общей теории гражданского права, ведь сделка – это то, что уже свершилось [90, с. 191]. В этом случае указывается, что ничтожным может быть только договор (соглашение), но никак не сделка. Так, в случае с нашим примером земли и палочек, ничтожным будет являться соглашение, заключенное неправомерными методами, а о сделке здесь не может быть и речи. Иными словами, ничтожность сделки в определенной степени – это её отсутствие, и можно говорить лишь о попытке её заключения, но никак не о самой сделке.

Следует также отметить, что вне рамок романо-германской правовой семьи не во всех правовых системах присутствует разграничение между ничтожными и оспоримыми сделками [33, с. 495]. Кроме того, признание сделки оспоримой, равно как и признание её ничтожной, несет в себе практически одни и те же юридические последствия: сделка является недействующей. В этом смысле вопросы разграничения являются, в большей степени, теоретическими, нежели, связанными с реальными проблемами, возникающими в правоприменительной практике [7].

Исследуя проблему разграничения, становится очевидным, что для устной формы деление на ничтожные и оспоримые сделки становится ещё более сложной задачей. В этом случае критерии ничтожности либо оспоримости не изменяются, однако с точки зрения публичности лицу,

которое указывает на неправомерность сделки, надлежит представить доказательства такого несоответствия [69]. Разумеется, представление доказательств по устной сделке всегда затруднительно, ведь отсутствует её формальное закрепление. Если же вернуться к примеру земли и палочек, то можно заметить, что в случае, если стороны будут заявлять о том, что сделка была осуществлена в устной форме, если стороны представлят доказательства такого заключения (к примеру, доказательства свидетелей), то такая сделка из ничтожной может перейти в раздел, как минимум, оспоримой, либо же суд и вовсе может признать её действительной. При этом наличие устных договоренностей также должно соответствовать законодательству юрисдикции, поэтому устная сделка может являться и ничтожной, и оспоримой [62, с. 79].

Важно отметить, что в реальной жизни ничтожные сделки достаточно часто заключаются между близкими родственниками. Например, имитируя сделки купли-продажи имущества для его сокрытия от взыскания. Сюда можно отнести «переписывание» движимого и недвижимого имущества на ближайших родственников. При этом с отсутствием каких-либо платежных подтверждений [72].

Наконец, ряд авторов и вовсе утверждают, что деление на ничтожные и оспоримые сделки является нецелесообразным и, в целом, вредным для института гражданского права [27, с. 156]. При этом важно понимать, что данное деление является доктринально обоснованным, а право, в том числе и российское, основывается на собственно теории права, обычаях, а также на правовых доктринах, принятых в европейском законодательстве [40].

Оспоримые и ничтожные сделки в качестве правовых проблем являются одними из основополагающих для гражданского права, тем не менее они не выглядят нерешаемыми. Так, наряду с традиционными методами решения подобных проблем, связанных с уточнением норм материального и процессуального права можно также предположить, что развитие цивилистики пойдет по пути всеобщей цифровизации, подобно

тому, как цифровизировался рынок ценных бумаг. Так, с помощью системы блокчейна можно будет заключить любую сделку, например, купли-продажи обычной вещи или недвижимости, которая будет практически неоспоримой. Подобная технология уже используется для оформления сделок с автомобилями через сайт «Госуслуг». Кроме того, подобные предложения можно встретить в китайской работе Чжана Сюэяна, в которой приводятся предложения, касающиеся сделок юридических лиц [118, с. 129], а также в исследовании индонезийских ученых Т.В. Бамганг и Ж. Вуландари, где говорится о гарантиях реализации электронных нотариальных сделок, а также их экономичности, практичности и даже эргономичности [117, с. 226]. Стоит предположить, что подобные технологии в будущем могут быть полезны и для лиц физических. Особенно, если учитывать тот факт, что элементы и прецеденты уже имеются: электронная биржа [60], система «Госуслуг» [65], электронный нотариат [61], подача электронных исков в суд [84], а также система титулов Торренса, на которой стоит остановиться подробнее.

Система титулов Торренса – это система регистрации недвижимости, которая была разработана в Австралии в конце XIX века. Она была создана для более надежного и эффективного способа регистрации прав на недвижимость. В отличие от традиционной системы регистрации, где документы о правах на недвижимость хранятся в разных местах, в системе Торренса все права на недвижимость зарегистрированы в единой базе данных. Так, типичной ошибкой при регистрации сделок с недвижимостью может являться отсутствие необходимых прав в цепочке правообладателей прошлого: если продавец «А» хочет продать земельный участок покупателю «Б», то последнему выдается справка (титул) о всех сделках с данным земельным участком (кто был собственником до «А», кто был собственником до того, кто был перед «А» и так далее) [8].

Преимущества системы Торренса включают в себя следующие характеристики:

- повышение надежности и прозрачности при регистрации прав на недвижимость;
- сокращение времени на оформление прав на недвижимость;
- снижение стоимости регистрации [85, с. 45].

Таким образом, основной критерий разграничения ничтожных и оспоримых сделок заключается в том, что последняя признается недействительной государством, как правило, в лице суда [47].

Ничтожные сделки являются очевидно недействительными на основании того, что противоречат законодательству юрисдикции, к которым они относятся, а также правовому обычанию. Например, ни для кого не секрет, что большинство значимых соглашений (исключая мелкие бытовые сделки), как правило, заключаются в письменной форме на листе бумаги, а не на коре березы и не на папирусе, как в Древности. Это является типичным примером ничтожной сделки.

Оспоримая сделка, напротив, изначально соответствует формальным нормам и обычаям, а её недействительность в большинстве случаев связывается с незначительными несоответствиями её юридического выражения с законами государства (государств), в котором она заключена и к которому она имеет непосредственное отношение [9].

Сам факт ничтожности сделки можно рассматривать противоречащим принципам государства, поэтому ничтожная сделка имеет также признаки административного правонарушения [77]. При этом согласие сторон на исполнение условий ничтожной сделки не отменяет факт её ничтожности, так как нарушает права третьих лиц: государства и общества. В этом смысле ничтожная сделка может являться выражением гражданско-правового экстремизма, и в определенных случаях её стороны могут быть подвергнуты административным санкциям.

В свою очередь, ничтожные сделки, подвергнутые конволидации (юридическому исправлению), могут переходить в разряд оспоримых. Так, разграничение ничтожных и оспоримых сделок в некоторых случаях может

являться весьма условным, а сама возможность законодательного и доктринального разграничения подвергается сомнениям многими российскими авторами в области цивилистики сделок и проблем разграничения данных понятий.

Один из путей возможного развития института оспоримых сделок может заключаться в его цифровизации, подобно принципам работы электронных бирж, электронного нотариата, а также электронного правосудия. При этом внедрение элементов системы Торренса, в соответствии с которой потенциальному покупателю выдается титул (справка) о всех предшествующих сделках о приобретаемом объекте недвижимости, может стать первым шагом на пути к полноценному внедрению данной системы, действующей во многих странах англо-саксонской правовой семьи [10].

1.2 Понятие и сущность оспоримых сделок в российском гражданском праве

Исследуя проблемы, связанные с оспоримыми сделками в российском законодательстве, необходимо рассмотреть их нормативное выражение, а также трактовку данного понятия и других категорий, связанных с предметом нашего исследования.

В соответствии со статьей 166 ГК РФ «сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)» [23]. Важно отметить, что в соответствии с пунктом 1 статьи 166 ГК РФ для российского гражданского права не является определяющим фактором признание сделки недействительной, будь то ее квалификация как ничтожной или оспоримой, что можно увидеть из нашего исследования, в частности, из параграфа 1.1.

Согласно пункту 2 статьи 166 Гражданского Кодекса Российской Федерации, требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть выдвинуто стороной сделки или другим лицом, упомянутым в законе. Эта норма указывает на то, что оспоримая сделка не может рассматриваться как подвид недействительной сделки, а может быть признана недействительной только по требованию заинтересованной стороны. Следовательно, оспоримая сделка представляет собой гипотетически недействительную сделку [11].

Далее по тексту пункта 2 статьи 166 ГК РФ законодатель дает ряд пояснений, из которых значится следующее.

Оспоримая сделка может быть признана недействительной по предъявлению такого требования стороной сделки либо третьим заинтересованным лицом, чьи права могут нарушаться данной сделкой. При этом такой стороной может выступать и само государство. Кроме того, судя по всему, данная норма указывает на то, что фактическое признание сделки и её осознание являются основаниями в том, чтобы не признавать её недействительной в рамках данного осознания и фактического признания [70].

Так, с точки зрения статьи 166 ГК РФ под оспоримой сделкой понимается гипотетически недействительная сделка, которая может быть признана таковой судом по требованию стороны сделки либо третьей стороной, в том числе, государственными и квазигосударственными лицами [23].

Остановимся на сущности оспоримых сделок.

Традиционно, сущность правовой нормы заключается в её значении, её целях и задачах, влиянии на общество и правовые институты. Однако, когда то или иное понятие отсутствует в законодательстве в своём непосредственном выражении, как в случае с оспоримыми сделками, можно сказать, что норма является имплементацией всего гражданско-правового института, являясь результатом его же развития, и его же влияния. Таким

образом, сущность подобных норм заключается в выражении влияния правовых институтов на своё собственное развитие.

В российском законодательстве существует положение о последствиях недействительности сделки. Здесь можно отметить, что, исходя из пунктов 1,2 статьи 166 ГК РФ, можно считать, что данная норма говорит также и о сущности оспоримой сделки. К сожалению, в рамках нашего исследования мы вынуждены апеллировать именно сослагательным наклонением, так как, во-первых, ГК РФ не даёт непосредственного определения понятию «оспоримая сделка», во-вторых, оспоримая сделка, как отмечается выше, лишь гипотетически является недействительной [12].

Итак, в соответствии с пунктом 1 статьи 167 ГК РФ «недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения». В этом смысле сущность оспоримой сделки заключается в том, что она дает гипотетическую возможность признания прекращения действия того или иного соглашения, признания действия неправомерным и не соответствующим российскому законодательству. При этом пункт 2 уточняет, что недействительность подразумевает также восстановление нарушенного права, например, владения денежными средствами либо другими материальными благами.

Пункт 3 напрямую упоминает оспоримую сделку и указывает, что юридические последствия признания оспоримой сделки недействительной распространяются не только на то, что уже совершилось, но и на отмену того, что еще не произошло (перспективная и ретроактивные нормы права) [21, с. 348].

Наконец, пункт 4 уточняет, что суд может и не применять последствия недействительности сделки, если это будет противоречить интересам правопорядка и нравственности [42]. Здесь стоит отметить, что формулировка «правопорядок и нравственность», на наш взгляд, в данном контексте является неуместной [23]. Во-первых, и правопорядок, и

нравственность в особенности – сложно идентифицируемые философские категории, во-вторых, любая норма, являющаяся трудной в своей трактовке (по своей сущности), является вредной для использования, так как создает определенные риски, порождает споры, а значит и добавляет работы для судебных органов. В подтверждение данного тезиса приведем пример американского исследователя Дж. Дэвиса, указывающего, что нравственность можно считать юридической категорией и даже нормой, но ввиду её субъективной природы она может выражаться во мнении того или иного юриста, но не может быть выражена в непосредственной норме закона [111].

Оспоримые сделки как институт гражданского права являются крайне важными не только для российской, но и для любой другой правовой системы [87]. Так, существование понятия недействительности, а вместе с ним и менее формализованного понятия оспоримости гарантируют гражданам и другим участникам гражданских правоотношений возможность оспорить тот или иной юридический факт, выраженный в какой-либо сделке [104, с. 62].

Сущность оспоримой сделки заключается также в возможности реализации ею конституционных принципов, прописанных в статье 2 Конституции РФ [45], Всеобщей декларации прав человека в статьях 1, 3, 17, 23, 26 [13], Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах в статьях 6-9, 13, 14 [51], а также в других международных нормативно-правовых актах, гарантирующих гражданские права и свободы [81].

Предположим обратное. Отсутствие возможности оспорить ту или иную сделку. В этом случае возникает юридическая коллизия полного несоответствия принципов Конституции и гражданского права: равенства участников правоотношений, свободы воли и договора, добросовестности. Так, любая ошибка в этом случае признавалась бы юридически законной либо действиями, противоречащими законодательству (правонарушениями). В этом смысле нормы об оспоримости сделок являются цементирующими для гражданско-правовой системы России [13].

Стоит отметить, что подобные статьи, являющиеся некими краеугольными камнями, как правило, прописываются в самом начале федеральных законов, а также других нормативно-правовых актов. С точки зрения правовой кодификации само наличие такой нормы «где-то посередине» Гражданского кодекса не должно вводить исследователя в заблуждение. Так, вычленение абсолютного большинства других статей не смогло бы нанести столь очевидного урона, как, к примеру, извлечение понятия о недействительности сделок, предусмотренных в статье 166 ГК РФ.

Е.Е. Рязанов напрямую указывает, что возможность оспорить ту или иную сделку является одним из базовых способов юрисдикционной защиты гражданских прав [80, с. 28]. Как известно, под юрисдикционной защитой в большинстве случаев понимаются обращения в суд и другие государственные органы власти. Поэтому сущность оспариваемых сделок заключается также и в реализации базовых задач гражданского права, а также международного частного права как важнейших институтов гражданского общества.

Таким образом, под оспоримой сделкой понимается гипотетически недействительная сделка, которая может быть признана таковой судом по требованию стороны сделки либо третьей стороной, в том числе, государственными и квазигосударственными органами (статья 166 ГК РФ).

В российском законодательстве сущность оспоримых сделок выражается в юридических последствиях возможности признания тех или иных сделок недействительными [43].

Кроме того, сущность оспаривания заключается также и в реализации конституционных принципов (статья 2 Конституции РФ), принципов международного права, содержащихся в статьях 1, 3, 17, 23, 26 Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах в статьях 6-9, 13, 14, а также в других международных нормативно-правовых актах, гарантирующих гражданские права и свободы.

Кроме того, оспаривание сделок позволяет реализовывать такие базовые права, как право на защиту и самозащиту гражданских прав.

1.3 Конвалидация оспоримых сделок

Понятие «конвалидация» происходит от итальянского «convalida», что дословно означает «подтверждение» [94, с. 56]. Представляется интересным также, что в греческом языке концепция подтверждения сделки имеет общий филологический корень с учением философа Эпикура (Ἐπίκουρος) и означает «επικύρωση συναλλαγῆς». В этом смысле можно предположить, что процесс подтверждения сделки признавался древними в качестве удовольствия, ведь основная идея эпикурейской школы заключалась в стремлении к удовольствию [114].

Как указывалось в параграфе 1.1 нашего исследования, институт конвалидации сделок является относительно новым для российского государства и также является выразителем демократических принципов гражданского права. При этом понимание «демократичности» в данном контексте подразумевается не только в идеологическом, но и в политологическом смысле. Ряд авторов указывает на то, что данный принцип заключается также и во влиянии гражданина на собственное государство [14, с. 33]. Стоит согласиться с данной концепцией, ведь гражданское право, вероятно, должно подразумевать то, что оно регулирует взаимоотношения граждан, а гражданин, в свою очередь, это лицо, наделенное властью, ведь именно он выбирает и может быть избранным [52, 107]. Так, в случае невозможности защитить свои права иными способами защиты, заинтересованная сторона может воспользоваться правом на конвалидацию оспоримой сделки [57, с. 64].

Конвалидация исключается для ничтожных сделок, противоречащих принципам гражданского права. Например, невозможно конвалидировать сделку по купле-продаже человека, так как она априори противоречит закону

и по форме, и по содержанию [59]. Но и здесь также имеются исключения. Так, исходя из нормы пункта 1 статьи 165 ГК РФ, конвалидация ничтожных сделок всё же возможна, когда стороны по каким-то причинам не соблюли нотариальную форму своего соглашения:

«Если одна из сторон полностью или частично исполнила сделку, требующую нотариального удостоверения, а другая сторона уклоняется от такого удостоверения сделки, суд по требованию исполнившей сделку стороны вправе признать сделку действительной. В этом случае последующее нотариальное удостоверение сделки не требуется» [23].

Разумеется, наличие подобной нормы, с одной стороны, защищает права сторон, оставляя возможность доказывания совершения сделки, с другой стороны, может приводить к злоупотреблениям и даже мошенничеству. Однако в этом случае именно суд является той инстанцией, которая определяет правоту и добродорядочность тех или иных заинтересованных сторон [14].

Важно отметить, что одним из видов конвалидации выступает так называемая легализация сделки. Особенность в данном случае заключается лишь в том, что инициатива по признанию сделки законной исходит не от сторон конфликта, а от государства. Так, вступление в силу какого-либо нового закона может существенно повлиять на законность тех или иных юридических действий, в том числе и самих сделок [106].

Б.Ц. Балданова в своем исследовании, посвященном конвалидации сделок, выделяет четыре способа конвалидации сделок: одобрение сделки, признание судом, отказ от правоприменения, а также исполнение.

Наиболее распространенным способом конвалидации выступает последующее одобрение. Нередко, те или иные документы подписываются неуполномоченными лицами, и в этом случае возникает вопрос о законности подобных действий. Тем не менее, это нельзя назвать правонарушением, исходя из нормы статьи 183 ГК РФ, а также отсутствия злого умысла и отсутствия общественной опасности подобных действий [23].

Суд также может признать сделку заключенной. В этом случае решение суда должно основываться на принципах сохранения обязательств, исходя из разумности и добропорядочности участников того или иного правоотношения (статья 10 ГК РФ): гражданское законодательство, во-первых, указывает на то, что злоупотребление правом исключается, во-вторых, говорит нам о том, что законность той или иной сделки может и должна основываться на принципе добросовестности [23]. Типичным примером здесь является признание сделок, заключенных лицами, не достигшими 14 лет. Суды конвалидизируют подобные сделки, если это является безусловной выгодой для несовершеннолетнего [15].

Как можно исправить сделку, если отказаться от права на нее? Например, если договор заключен на один объект с участием нескольких лиц, сделка, заключенная вторым участником после первоначальной, будет считаться исправленной только в том случае, если первый участник откажется от своего права на объект договора, например, по причине утраты интереса. Также возможно исправление сделки, если сторона явно (или по своему усмотрению) отказывается от права требовать ее недействительности, что указано в статье 166 Гражданского кодекса РФ.

Наконец, исполнение сделки также является её конвалидацией, однако в этом случае признание может происходить полностью без участия государства [7, с. 160].

Конвалидация как юридическая операция, отменяющая недействительность сделки, также может быть отменена по требованию заинтересованной стороны [79]. На наш взгляд, если речь не идет о несовершеннолетних, то отмена конвалидации сделки в целом представляется более простой задачей, чем сама конвалидация с точки зрения практической цивилистики [89, с. 69].

В целом, институт конвалидации следует так называемому принципу целерациональности, в котором заключается узаконивание обхождения и игнорирования других норм гражданского права во имя некоего блага. При

этом законность и общественную пользу данного блага определяет суд. В этом смысле институт конвальдации оспоримых сделок является не менее значимым для гражданского права, чем возможность оспаривания сделок.

Таким образом, под конвальдацией (от итал. *convalida* - подтверждение) оспоримых сделок подразумевается уникальная юридическая операция по исправлению оспоримых сделок до степени правовой приемлемости, направленная на защиту законных интересов как сторон самой сделки, так и публичных лиц (например, государства). При этом к способам конвальдации относятся: последующее одобрение сделки, признание сделки судом, отказ от правоприменения, исполнение сделки [16, 59].

Глава 2 Специфика оспоримых сделок

2.1 Отдельные разновидности оспоримых сделок

Как уже отмечалось в главе 1, институт оспоримых сделок является, во-первых, межотраслевым, во-вторых, выполняет цементирующую функцию гражданско-правовой системы в целом [17, с. 255].

Л.А. Ряснова выделяет следующие виды оспоримых сделок: «сделки юридического лица, выходящие за пределы его правоспособности (ст. 173 ГК); сделки, совершенные с выходом за пределы ограничений полномочий на совершение сделки (ст. 174 ГК); сделки, совершенные несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (ст. 175 ГК); сделки, совершенные гражданином, ограниченным судом в дееспособности (ст. 176 ГК); сделки, совершенные гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК); сделки, совершенные под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК); сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств (ст. 179 ГК)» [55].

Так, в соответствии со статьей 173 ГК РФ сделка, совершенная с юридическим лицом в противоречии с целями деятельности данного юридического лица, может быть расторгнута судом. Кроме того, в соответствии со статьей 174 сделка также может быть признана оспоримой в случае, если представитель юридического лица не имел достаточных полномочий на совершение данной сделки [23]. Важно отметить, что на практике подобное достаточно редко встречается, однако данную норму можно использовать в случаях нарушения прав и свобод человека со стороны юридических лиц. Например, существуют мнения, что одним из оснований расторжений кредитного договора заемщика с банком может послужить отсутствие в видах его деятельности кредитования физических лиц [109].

Статья 175 ГК РФ устанавливает правила о недействительности сделок, совершенных несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Согласно данной статье, такие сделки могут быть аннулированы по заявлению родителей, усыновителей или попечителей [44]. В случае, если такая сделка признана недействительной, применяются правила, описанные в абзацах втором и третьем пункта 1 статьи 171 ГК РФ. Согласно этим правилам, каждая из сторон обязана вернуть другой все полученное в натуре, а при невозможности – возместить его стоимость. Кроме того, дееспособная сторона должна возместить другой стороне реальный ущерб, если она знала или должна была знать о недееспособности другой стороны. Важно отметить, что пункт 2 статьи 175 указывает на то, что правила данной статьи не распространяются на сделки несовершеннолетних, которые стали полностью дееспособными [23].

Если обращаться к статье 176 ГК РФ, то она является схожей со статьей о несовершеннолетних и указывает, что «сделка по распоряжению имуществом, совершенная без согласия попечителя гражданином, ограниченным судом в дееспособности, может быть признана судом недействительной по иску попечителя» [48]. Важно упомянуть, что подобные сделки, в отличие от сделок, предусмотренных статьей 175, зачастую имеют криминальный характер, однако в случае, если злой умысел будет являться подтвержденным юридическим фактом, то такие сделки будут расторгаться на основании статьи 179 ГК РФ – «Сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств». Так, злоумышленники могут использовать недееспособных для того, чтобы заключать одну и ту же сделку по одному и тому же предмету несколько раз. Например, сдавая имущество в аренду или осуществляя сделки купли-продажи недвижимого имущества. В этом случае пострадавшая сторона может передавать задатки, вносить предоплату и осуществлять другие платежи, не получая взамен обещанного материального блага [18].

В свою очередь, статья 177 ГК РФ, посвященная недействительности сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими, в своём целеполагании, очевидно, призвана защитить потенциальных субъектов правоотношений от нарушений их прав во время видоизмененных психических состояний либо заболеваний; вместе с тем, данная статья также относится к числу тех, которые находятся в зоне риска с точки зрения злоупотребления, мошенничества и других правонарушений [23]. При этом доказательствами, определяющими, что сделка была произведена таким лицом, выступают медицинские справки, а также судебно-психиатрические экспертизы, в том числе и посмертно [35, с. 197].

Если обращаться к менее распространённым в юридической практике статьям, то к ним относятся 178 и 179 статьи ГК РФ.

Согласно статье 178 ГК РФ, сделка, заключенная под влиянием заблуждения, может быть признана недействительной по иску стороны, которая заключила сделку под влиянием заблуждения, если заблуждение было столь значительным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не заключила бы сделку, если бы знала о реальном положении дел. Типичным примером здесь может являться заключение какого-либо соглашения по сверхзанявшей цене, на порядок превышающей рыночную [19].

В соответствии с пунктом 2 статьи 178 ГК РФ, существенными признаками заблуждения являются: опечатки или оговорки, неправильные представления о предмете или характере сделки, неверные представления о своем контрагенте, а также ошибки в оценке последствий сделки и ее волеизъявления. Согласно пункту 3 той же статьи, заблуждение относительно мотивов сделки не считается достаточно существенным для недействительности сделки. Пункт 5 устанавливает, что сделка не может быть оспорена, если заблуждение было невозможно распознать обычно осмотрительным лицом с учетом содержания сделки и сопутствующих

обстоятельств. В свою очередь, пункт 6 предусматривает возможность возмещения ущерба стороне, введенной в заблуждение, стороной, вводившей в заблуждение (если таковое не было преднамеренным и не имело злого умысла), в соответствии с текстом статьи 179 [95].

Типичным примером данной сделки может считаться, к примеру, приобретение билета на какой-либо транспорт в соответствии с неправильным расписанием его движения: сделка осуществлена, транспорт не приехал, злой умысел отсутствует, однако лицо, которое приобрело билет, является пострадавшей стороной в соответствии со статьей 178 ГК РФ [28, с. 54].

В конечном итоге, сделки, заключенные под влиянием обмана, насилия, угроз или других неблагоприятных обстоятельств, могут быть признаны недействительными по запросу пострадавшей стороны [39]. Кроме того, статья 179 Гражданского кодекса РФ указывает на то, что такие сделки могут быть последствием уголовных преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе РФ [96]. Следовательно, законодательство предусматривает несколько типов сделок, чьи условия могут быть оспорены в соответствии со специальными статьями Гражданского кодекса РФ от 173 до 179 статьи. Оспаривание может быть предъявлено пострадавшей стороной, если сделка была заключена под влиянием обмана, насилия, угроз, злонамеренного соглашения представителя одной из сторон или при наличии тяжелых обстоятельств. Если эти условия выполняются, то сделка может быть расторгнута по запросу пострадавшей стороны в рамках уголовного дела [20, 46].

2.2 Особенности оспоримых сделок, заключённых гражданами и юридическими лицами

В российском законодательстве, как и в других родственных правовых системах, все стороны сделки обладают условно равной правосубъектностью,

вне зависимости от своего статуса, выраженного в финансовом, экономическом либо политическом положении в обществе.

Так, процедура признания той или иной сделки оспоримой практически не изменяется, если одна из сторон спора выступает в качестве юридического лица, однако в ГК РФ упоминается также и об исключениях, связанных с признанием сделок недействительными и, как отмечалось в параграфе 2.1, к таким нормам относятся статьи 173, 173.1, а также 174.

Тем не менее, равная правосубъектность юридических и физических лиц подразумевается лишь с точки зрения предмета конкретного правоотношения, так как права и свободы граждан, в отличие от юридических лиц, где юре являются высшей ценностью для государства и его правовой системы, поэтому, когда речь идет о возможном нарушении прав человека ради удовлетворения нужд юридического лица, и суд, и государство в целом должны принимать сторону именно человека как представителя биологического вида, вне зависимости от его гражданства. Это следует из положений 17 и 18 статей Конституции, где указывается, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». При этом «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [45].

На первый взгляд данная норма может показаться не более чем декларативной, однако практика показывает, что ссылка на 17,18 статьи Конституции при оспоривании сделок, к примеру, с российскими банками может помочь при относительно равных доводах сторон спора [78]. Более того, формирование ряда нормативно-правовых актов основывалось именно на данных принципах. Типичными примерами здесь выступают Федеральный закон от 03.07.2016 N 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов

физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [98], а также Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [101].

Цель принятия вышеуказанных федеральных законов, если учесть их содержание, заключается в защите прав и свобод физических лиц в рамках их взаимоотношений с кредиторами (преимущественно – финансовыми организациями). Нельзя также считать, что в них не учитываются интересы самих кредиторов, однако социальный характер данных норм признается многими авторами, чьи работы посвящены взысканию просроченной задолженности и антиколлекторской деятельности [21]. Остановимся подробнее на статьях 173, 173.1, 174 ГК РФ. В соответствии со статьей 173 ГК РФ «сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определено ограниченными в его учредительных документах, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или иного лица, в интересах которого установлено ограничение, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о таком ограничении» [23]. Отметим также, что данная норма не предоставляет права другой стороне или третьему лицу на расторжение сделки, если ограничение деятельности юридического лица не касается их непосредственных интересов. Иными словами, физическое лицо, которое заключило соглашение с юридическим лицом и не имеет никакого отношения к ограничению деятельности этого юридического лица, не может обратиться в суд с требованием оспорить данную сделку на основании нормы статьи 173 ГК РФ.

Дополнительная норма, предусмотренная статьей 173.1, была введена в 2013 году и вводила особый порядок для оспаривания сделок, где в силу закона подразумевалась необходимость согласия государственных и муниципальных органов, а также третьих лиц (пункт 1 статьи 173.1). Кроме

того, пункт 2 данной статьи указывает, что такая оспоримая сделка может быть также признана и недействительной, но только в том случае, если другая сторона знала либо должна была знать об отсутствии такого согласия. Иными словами, только лишь само отсутствие согласия не может являться основанием для расторжения подобной сделки. При этом круг лиц, имеющих право на подачу данного иска предусмотрен в ряде статей российского законодательства и является весьма существенным [22].

Наконец, нормы статьи 174 ГК РФ устанавливают, что одним из оснований признания сделки недействительной выступает наличие несоответствия полномочий и лица, выступающего от имени юридического лица: «Если полномочия лица на совершение сделки ограничены договором или положением о филиале или представительстве юридического лица либо полномочия действующего от имени юридического лица без доверенности органа юридического лица ограничены учредительными документами юридического лица или иными регулирующими его деятельность документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, в законе либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка, и при ее совершении такое лицо или такой орган вышли за пределы этих ограничений, сделка может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения, лишь в случаях, когда доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об этих ограничениях» [23].

Дополнительно, второй пункт той же статьи предусматривает возможность признания сделки недействительной судом в случае, если она явно нарушает интересы юридического лица, и другая сторона знала, или должна была знать о наличии такого ущерба для юридического лица, либо были договоренности между представителем юридического лица и другой стороной [23].

Как отмечает Н.А. Саглаева, нормы статьи 174 ГК РФ переводят понятие представительства из формальной плоскости в более фактическую.

И в этом случае трактование заключается не только в непосредственном смысле данной нормы, но и в значении гражданского права: уполномоченный должен реально представлять интересы юридического лица, не ограничиваясь, к примеру, доверенностью и другими документами, установленными в законодательстве либо в данной конкретной организации [82, с. 49].

Таким образом, в российском законодательстве физические и юридические лица обладают условно равной правосубъектностью. При этом, когда речь идет о правах человека, при равных условиях и в равном споре, при расторжении сделок суды обязаны становиться на сторону физического лица (статьи 17, 18 Конституции РФ). Так, с точки зрения ГК РФ наиболее часто встречающимися основаниями для оспаривания сделок юридических и физических лиц и признания их недействительными являются: противоречие с деятельностью юридического лица, несогласованность с государственными или муниципальными органами (для некоторых организаций), а также подписание документов сделки лицами, не имеющими полномочий действовать от имени соответствующего юридического лица (статьи 173, 173.1, 174 ГК РФ) [23].

2.3 Правовые последствия сделок, признанных недействительными

Гражданско-правовые последствия недействительности сделок имеют статус юридического факта, однако они отличаются от последствий, связанных с вступлением сделки в законную силу.

Так, в случае если сделка не исполнялась сторонами, то она приравнивается к несовершенной. Однако, если сделка исполнялась хотя бы одной из сторон, то к ней необходимо применить юридические последствия сделки. Е.Е. Рязанов и другие совершенно верно указывают, что «именно наличие предусмотренных законом последствий недействительности сделки

позволяет говорить о недействительной сделки, как о правовом явлении, а не как о юридически безразличном поведении субъектов права» [80, с. 82].

Последствия недействительности сделок могут быть разделены на три категории: общие, специальные и дополнительные [41]. Общие последствия применяются по умолчанию, если законом не установлены специальные или дополнительные. В научной юридической среде общие последствия нередко называют «реституцией» (от лат. – «*restitutio*»), что означает восстановление нарушенных прав. Это восстановление может быть двусторонним, если сделка была недействительна для обеих сторон, или односторонним, если сделка была недействительна только для одной стороны. Классическим примером реституции является расторжение кредитного договора, когда заёмщик возвращает заемные средства банку, а банк перестает обслуживать заёмщика. В этом случае заемщик получил необоснованное обогащение, и возврат заемных средств – это способ реституции [24].

Важно понимать, что реституция в натуре далеко не всегда возможна. В особенности это касается нематериальных вещей: оказания услуг по договору, права на использование товарного знака. В этом случае одна из сторон прекращает исполнение договора, но взамен может и вовсе ничего не получить. Также типичным примером здесь может являться реституция по договору строительного подряда. Так, если подрядчик возвращает денежные средства подрядчику, то подрядчик не может уничтожить многоквартирный дом, возможно, уже заселенный жильцами. Поэтому основания для такой реституции и его непосредственный механизм должны определяться судом, исходя из принципа справедливости и полезности для общества.

Двусторонняя реституция применяется по недействительным сделкам совершенным:

- с нарушением формы (неправильно составленное соглашение, статья 158 ГК РФ);
- с нарушением правил о государственной регистрации сделки (ошибка в учредительных документах при регистрации организации) [99];

- с выходом за пределы правоспособности юридического лица (сделка противоречит видам деятельности, параграф 2.2 нашего исследования, статья 173 ГК РФ);
- с выходом за пределы ограничений полномочия на совершение сделки (сделка, совершенная неуполномоченным лицом (параграф 2.2 нашего исследования, статья 174 ГК РФ);
- недееспособными гражданами (лицо, заключившее сделку, могло быть лишено дееспособности, 171 ГК РФ);
- малолетними, не достигшими 14-летнего возраста (172 ГК РФ);
- несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет (175 ГК РФ);
- гражданами, ограниченными в дееспособности (частично дееспособными, 176 ГК РФ);
- гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими (во время сделки лицо находилось в видоизмененном состоянии сознания, 177 ГК РФ);
- под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение (178 ГК РФ);
- с целью, противной основам правопорядка и нравственности, если ни одна из сторон не допустила умысла (169 ГК РФ).

Одним из специальных правил о последствиях недействительной сделки является односторонняя реституция, которая применяется в случае признания судом недействительными сделки совершенные:

- под влиянием обмана, насилия, угрозы (179 ГК РФ);
- злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной (174 ГК РФ);
- при стечении тяжелых жизненных обстоятельств, которыми воспользовалась другая сторона (179 ГК РФ) [99].

Безусловно, для большинства недействительных сделок подразумеваются также дополнительные, охранительные последствия, заключающиеся в государственном принуждении компенсировать

причиненный ущерб обиженной стороне (например, невиновная сторона в недействительности сделки уже понесла расходы, связанные с исполнением обязательств). Так, сама реституция приводит стороны в первоначальное имущественное положение (если речь идет о вещественных сделках), а дополнительные последствия восстанавливают экономическое (финансовое) положение, если существует такая необходимость [97]. И здесь уместно говорить о нормах статьи 395 ГК РФ, предусматривающих ответственность за неисполнение денежного обязательства [24, с. 146].

Признание сделок недействительными имеет статус юридического факта, при этом все правовые последствия могут быть разделены на три группы: общие, специальные и дополнительные. Общие последствия применяются по умолчанию, если законом не установлены специальные или дополнительные правовые последствия для конкретного случая. Специальные последствия относятся только к тем, которые явно предусмотрены законом, включая статьи 158, 173, 174, 171, 172, 175, 176, 177, 178, 169, 179 ГК РФ, а также статью 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [99]. К дополнительным последствиям относят обязанности по возмещению материального ущерба, а также обязанность государства принудить к такому возмещению. Кроме того, под общими последствиями понимают реституцию (от лат. – *restitutio*) сделки, то есть, установление условий, которые существовали до заключения сделки. Такие реституции бывают односторонними, двусторонними, а также многосторонними. Так, односторонние реституции, как правило, подразумевают наложение обязанности к стороне, нарушившей законодательство, нести обязательства по установлению изначальных условий сделки. В некоторых случаях это также может касаться компенсационных и иных выплат, чаще материального, но иногда и нематериального характера [25].

Глава 3 Проблемы правоприменения и перспективы развития гражданского законодательства Российской Федерации в сфере исследования

3.1 Правоприменительные аспекты признания недействительности оспоримых сделок

Анализируя применения норм оспоримых сделок, становится достаточно очевидным, что подавляющее большинство судебных решений, так или иначе, но связывается с вступлением субъектов в заведомо невыгодные для них самих правоотношения. При этом элемент низкой юридической грамотности играет весомую роль в развитии и негативных последствий подобных юридических операций. В этом смысле проблема оспоримости сделок – это также и проблема гражданско-правовой грамотности. То есть, институт оспоримых сделок, в первую очередь, рассматривает субъективные стороны гражданских правоотношений: волю субъектов, вступающих в ту или иную сделку, как указывалось выше, гипотетически оспоримую [26].

Если попытаться перечислить причины высокого уровня правовой безграмотности общества, то можно выделить следующие:

- Низкий уровень гуманитарного образования в средней школе;
- Отсутствие правовой традиции в семье либо конкретной местности;
- Относительно небольшое количество юристов на соответствующий процент жителей;
- Падающий уровень юридического образования;
- Низкий престиж юридического образования;
- Экономические проблемы (невозможность удовлетворения базовых потребностей);

- Культурно-исторические проблемы (проблемы мигрантов и национальных меньшинств).

Таким образом, можно выделить следующие пути повышения правовой грамотности:

- Развитие обществознания в школах;
- Пропаганда знания права как безусловной ценности для личности и для общества в целом;
- Сокращение бюрократического аппарата и развитие местного самоуправления;
- Привлечение в юридические ВУЗы высококлассных иностранных специалистов в области юриспруденции и наук смежных с нею (преимущественно, из стран романо-германской правовой семьи);
- Создание условий, при которых ряд гражданско-правовых операций без специалистов с юридическим образованием являлся бы невозможным для выполнения (например, сделки купли-продажи) не только без нотариуса, но также и без непосредственного представителя интересов того или иного субъекта, вступающего в правоотношения;
- Развитие малого и среднего бизнеса [102];
- Проведение грамотной миграционной политики, основанной как на выстраивании естественных миграционных барьеров, так и на повышении престижа гражданства;
- Наконец, повышение у граждан ощущения их значимости и возможности влияния на государство и общество [27].

Отметим также, что вышеперечисленные проблемы и способы их решения применимы не только к России, а являются базовыми для любого государства европейского типа, ведь низкий уровень юридической грамотности, как показывают наши исследования, не является чем-то уникальным, и для Российской Федерации, и в целом для мира [63, 64]. При этом, касательно повышения значимости, хотелось бы отметить, что данный

способ является едва ли не определяющим и центральным, ведь природа правового нигилизма и нигилизма в принципе может заключаться также и в субъективном восприятии невозможности повлиять на ту или иную ситуацию [31, с. 72]. Резюмируя данную мысль, можно вспомнить знаменитую фразу Н.А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» [56]. В этом смысле гражданин с низкой гражданско-правовой грамотностью с точки зрения юридической природы не является полноценным гражданином.

На сегодняшний день вполне можно утверждать, что признание оспоримых сделок недействительными является одним из самых распространенных исковых требований в российской судебной практике. Так, по данным «СудАкт.Ру» только за 2022 год агентством было зафиксировано и занесено в базу 10989 судебных актов, связанных со статьей 166 ГК РФ. Из них 10886 по арбитражным делам, 15 – по гражданским в рамках общей юрисдикции, 88 – на уровне Верховного Суда РФ [86].

Различные проблемы, связанные с признанием оспоримых сделок недействительными, могут возникать по целому ряду возможных причин. Например, один из участников сделки может не нести ответственности за свои действия, несмотря на свою правоспособность, или же заинтересованная сторона может обнаружить нарушение своих прав слишком поздно (например, в случае заключения договора об отчуждении совместного имущества супругов без согласия одного из них). Кроме того, необходимо учитывать возможность помарок при заключении тех или иных сделок [43, с. 156].

Зачастую, для признания сделок недействительными суды выносят определения о назначении специальной судебной экспертизы, чтобы подтвердить наличие определенных обстоятельств либо фактов (например, психический недуг одного из участников сделки) [29].

Так, мужчина обратился в суд с целью признания договора купли-продажи квартиры недействительным. Из материалов дела Ленинского

районного суда города Магнитогорска № 2–886/2020 от 14 сентября 2020 года следует, что на момент заключения договора истец страдал психическим заболеванием и не мог осознанно понимать значение своих действий. Суд после рассмотрения материалов дела, выслушивания сторон и свидетелей, а также рассмотрения заключения судебно-психиатрической экспертизы пришел к выводу, что требования истца о признании сделки недействительной должны быть удовлетворены [86].

Отметим, что данное дело является типичным для практики, связанной с оспариванием сделок. Зачастую, решения судов могут основываться только лишь на доводах той или иной стороны, при этом экспертиза, как правило, является дополнительным доказательством в подобных делах (если в принципе уместно говорить о столь масштабном институте как оспоримые сделки, поэтому данное предположение не выходит за рамки нашего исследования).

В некоторых делах экспертиза не всегда может дать точный ответ и помочь разрешить дело, особенно если речь идет о сложной судебной психолого-психиатрической экспертизе после смерти гражданина. Разумеется, определение психического здоровья исследуемого субъекта является достаточно сложной задачей, в особенности, когда речь идет о психическом здоровье на момент заключения сделки, если, к примеру, ранее не были установлены психические заболевания или гражданин не был признан недееспособным. В таких случаях комиссия экспертов вынуждена опираться на показания свидетелей, которые могут быть противоречивыми. Недобросовестные лица, включая родственников, могут использовать данное обстоятельство для совершения сделок путем обмана или введения в заблуждение, чтобы получить материальную выгоду [30].

Как указывалось в начале данного параграфа, одной из главных проблем, которая ведет к тому, что граждане становятся жертвами обмана или заблуждения при заключении сделок, является недостаток знаний в области права и невнимательность к деталям. Часто бывает так, что люди не до конца

читают, к примеру, текст договора, что может приводить к непредвиденным последствиям. В этом смысле современному юристу следует исполнять не только локальные задачи, но также и заниматься пропагандой юридических знаний среди текущих клиентов. Это может быть выражено в ведении собственного блога, социальных сетей, публикации статей и многого другого. Сама природа оспоримой сделки заключается в том, что её гораздо легче предотвратить, чем впоследствии исправить либо расторгнуть (в зависимости от того, чьи интересы представляет данный конкретный юрист).

Также важно помнить, что зачастую люди именно пожилого возраста становятся жертвами сделок, совершенных с использованием обмана и заблуждения. К примеру, одним из наиболее распространенных случаев является ситуация, когда пожилой человек думает, что заключает договор на пожизненное содержание с иждивением, но на самом деле подписывает договор дарения.

К сожалению, в большинстве случаев иски, связанные с такими делами, решаются не в пользу пожилых граждан. Например, из материалов дела Пензенского областного суда по делу №33–3594 от 22 октября 2019 г. следует, что гражданка М. подала в суд иск против Б., утверждая, что она и ее муж получили квартиру в совместную собственность на основании договора от 12 июля 2001 года.

22 ноября 2012 года истцом М. и ее супругом был подписан договор дарения с ответчиком Б., в соответствии с которым Б. получил 3/4 доли квартиры, указанной в договоре. 6 декабря 2012 года договор был зарегистрирован в Управлении Росреестра по Пензенской области. Истец утверждает, что договор дарения недействителен, так как на момент его подписания ей было 83 года, она не имела должной юридической подготовки и думала, что они с мужем заключают договор пожизненного содержания с иждивением. После заключения договора Б. ненадолго продолжал помогать истцу и ее супругу с хозяйством, но затем прекратил любое общение с ними и не оплачивал коммунальные услуги. После смерти ее супруга, истец

унаследовала 1/8 доли права собственности на спорную квартиру, что делает ее владельцем 1/4 общей доли права долевой собственности. Однако, требования истицы на оплату коммунальных услуг были отклонены ответчицей [31].

Истец утверждает, что Б. обманула ее, злоупотребив ее юридической неграмотностью и доверительными отношениями, и заставила ошибочно полагать, что договор дарения означал передачу доли в квартире после смерти истца и ее мужа [86].

Иск был отклонен Ленинским районным судом г. Пензы, а Пензенский областной суд также отказал в удовлетворении апелляционной жалобы. Суд не признал дарственную сделку недействительной, в связи с тем истец не предоставил доказательств того, что супруги действительно намеревались заключить договор о пожизненном содержании с иждивением, а не договор дарения доли в квартире, который они подписали.

Для того чтобы сделку можно было признать недействительной по статье 178 ГК РФ, необходимо предоставить доказательства того, что сторона, совершающая сделку, заблуждалась в ее природе [28]. В таких случаях свидетельские показания могут служить доказательством того, что после сделки сторона создавала видимость исполнения условий договора о пожизненном содержании, например, покупала продукты и медикаменты. Также необходимо предоставить документы, подтверждающие позицию истца, например, чеки об оплате покупок [32].

Факт того, что лицо, которое продало свое единственное жилье, все еще проживает в нем, является доказательством того, что сделка может быть оспорима. Это свидетельствует о том, что истец мог иметь неправильное представление о правовых последствиях подписываемого им договора. Также условие сохранения права пользования квартирой указывает на то, что истец хотел сохранить право на проживание в квартире, но такое право не является безусловным и может зависеть от воли нового собственника. В связи с этим

можно прийти к выводу о наличии существенного заблуждения истца относительно сути заключенного договора.

Таким образом, для решения данной проблемы необходимо осуществлять действия, связанные с развитием правовой культуры граждан всех категорий, особенно пенсионного возраста. Как следствие, количество оспоримых сделок по основаниям, приведенным в статье, значительно сократится.

Как уже отмечалось в параграфе 1.2 нашего исследования, в соответствии со статьей 166 ГК РФ «сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)» [23]. При этом трактование данной нормы содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».

Так, в соответствии с абзацем 5 пункта 1 Постановления суд при учёте решения о признании оспоримой сделки недействительной должен руководствоваться добросовестностью либо недобросовестностью лица, заявляющего о такой недействительности (пункт 5 статьи 166 ГК РФ) [33].

В соответствии с пунктом 7 Постановления «Если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной». При этом пункт 1 статьи 10 ГК РФ указывает на недопустимость злоупотребления правом.

Также Пленум указывает следующее:

«К сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ [17]. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому

основанию (например, по правилам статьи 170 ГК РФ – «Недействительность мнимой и притворной сделки»)» [67].

Остановимся на примере из судебной практики.

Из материалов дела Ленинского районного суда города Махачкалы следует, что истец обратился в суд с требованием расторгнуть сделку купли-продажи 33/50 земельного участка и 13/50 дома, ссылаясь на то, что данные соглашения были заключены не в нотариальной форме. Парадокс данного процесса заключался в самом требовании и его обосновании, так как закон не говорит об обязательной нотариальной форме заключения договоров купли-продажи недвижимости. Так, суд отказал в удовлетворении требований, сославшись, в числе прочего, на следующее:

«Сделка по отчуждению единственным собственником доли земельного участка и жилого дома, расположенного на нем, не относится к сделкам, подлежащим обязательному нотариальному удостоверению. Данная правовая позиция, в частности, согласуется с актами нотариальной практики;

Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно [93], в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. (п. 5 ст. 166 ГК РФ) [34, 39].

Судом установлено, что после заключения оспариваемых сделок поведение истца дало основание ответчику полагаться на действительность сделки. Так, во исполнение условий сделок истец предоставил их предмет (доли в праве собственности на земельный участок и жилой дом) во владение ответчика, получив от него обусловленную плату за них» [75].

Стоит отметить, что, на наш взгляд, подобные иски направлены, скорее, на оказание психологического давления, чем на реальное исполнение.

В нашем исследовании мы уже упоминали, что институт оспоримых сделок, в первую очередь, служит для защиты гражданских свобод и реализации принципов гражданского общества. Одним из примеров,

способных ярко проиллюстрировать как работают оспоримые сделки, можно встретить в материалах дела Ленинского районного суда города Махачкалы. Так, из материалов дела следует, что истец обратился с требованием о признании недействительным договора купли-продажи квартиры. Как следует из текста решения суда, истница вступила в фактическое наследование имуществом отца, однако, впоследствии выяснилось, что её отец не зарегистрировал право собственности на квартиру в Регистрационной палате, а сам объект недвижимости уже после заключения сделки купли-продажи и после смерти отца истицы был продан третьим лицам. Так, истница потребовала признания ее права на наследство, признать сделку купли-продажи с третьими лицами недействительной. Суд удовлетворил данные требования, в числе прочего, сославшись на следующее:

«В п. 52 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» разъяснено, что оспаривание зарегистрированного права на недвижимое имущество осуществляется путем предъявления исков, решения по которым являются основанием для внесения записи в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним. В частности, если в резолютивной части судебного акта решен вопрос о наличии или отсутствии права либо обременения недвижимого имущества, о возврате имущества во владение его собственника, о применении последствий недействительности сделки в виде возврата недвижимого имущества одной из сторон сделки, то такие решения являются основанием для внесения записи в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [71].

Таким образом, суд не только удовлетворил требования истца о признании сделок купли-продажи с третьими лицами недействительными, но и установил право включения данной квартиры в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Признание сделок недействительными может также повлечь недействительными и последующие сделки, вытекающие из предыдущего права. Так, из материалов дела Ярославского районного суда следует, что прокурор обратился с иском в суд с требованием о признании договоров купли-продажи аренды земельного участка под индивидуальное жилое строительство недействительным. Так, в числе прочего, истец ссылался на нецелевое использование земли, предоставленной государством, обосновывая это тем, что на четырех близлежащих участках был построен многоквартирный дом вместо индивидуальных жилых домов. При этом один из участков на момент подачи иска уже был продан третьему лицу. В итоге суд удовлетворил требования истца, признав сделки по предоставлению земельных участков и последующие сделки с ними недействительными, сославшись на результаты экспертизы, в соответствии с которой возведенное строительство не являлось целевым, при этом частично опровергающей заявления прокурора:

«Таким образом, суд приходит к выводу о том, что строение, возведенное Груздевой Е.А. на ЗУ4976 не являлось объектом недвижимости по смыслу п.1 ст.130 ГК РФ, а также не являлось жилым домом, поскольку не соответствовало требованиям, предъявляемым к таковым» [73].

Отметим, что в данном деле была совершена только одна сделка на основании договора, признанного недействительным. Однако такие цепочки могут быть более значительными. В этом смысле одна из важнейших задач современного гражданского юриста может заключаться в анализе наличия подобных цепочек, в которых может быть выявлена недействительная сделка. Так, упоминаемая нами в параграфе 1.1 система сделок с недвижимостью Торренса, во многом, смогла бы предотвратить необходимость в подобных судебных разбирательствах. Важно также подчеркнуть, что данная система подразумевает специальную должность, позволяющую формировать и отслеживать цепочки с куплей-продажей недвижимости [35].

Как можно заметить, при сделках с недвижимостью основные риски ложатся на покупателя, но не на продавца. В данном случае мы проводим анализ именно решений судов, иными словами, мы цитируем мнение суда, пусть даже в нем можно встретить ссылки на позиции истца и ответчика. Объективная реальность очень часто может быть далека от реальности юридической [76]. В этом смысле представляется интересным дело Верхотурского районного суда Свердловской области, в котором требования истицы о признании сделки купли-продажи квартиры недействительной были удовлетворены. В числе прочего истница указывала, что до конца не осознавала своих действий во время подписания оспариваемого договора, однако никаких доказательств, кроме косвенных свидетельств, представлено ею не было [74]. Кроме того, если предположить, что суд ошибся в вынесении решения, то такая ошибка является существенной и значимой с точки зрения ценности объекта недвижимости и его значения для общества. Так, российское законодательство защищает права продавца, однако никоим образом не защищает права покупателя (если не брать в расчет формальную сторону). Поэтому, на наш взгляд, будущим законодателям следует повышать уровень защиты покупателя. Разумеется, при этом должен соблюдаться некий баланс при разработке подобных законопроектов.

В каком-то смысле вышеуказанное дело Верхотурского районного суда является типичным, когда горе-продавец указывает, что он не осознает своих действий, поэтому необходимо выстроить критерии, в соответствии с которыми мог бы быть введен определенный фильтр для подобных сделок. Фактически, отсутствие нотариальной формы договора, весьма посредственная проверка сделки в МФЦ при подаче документов на государственную регистрацию создают целый спектр возможностей по злоупотреблению правом расторжения сделок, а также развитию мошеннических схем с недвижимостью.

Обратимся к арбитражной практике.

Постановление ФАС Московского округа от 03.02.2021 по делу № А40-148118/2020 относилось к оспариванию сделки в связи с недобросовестностью контрагента. Так, истец приобрел автомобиль у компании-ответчика, не раскрывшего информации о том, что данное транспортное средство уже участвовало в серьезном ДТП и было ранее признано аварийным. В итоге, сразу после покупки автомобиля истец обнаружил серьезные повреждения, связанные с предыдущим ДТП, и обратился в суд с требованием о признании сделки недействительной. Арбитражный суд удовлетворил исковые требования, ссылаясь на то, что продавец не раскрыл информацию о состоянии автомобиля, что является нарушением требований добросовестности. ФАС Московского округа подтвердил решение арбитражного суда, отметив, что продавец обязан был сообщить покупателю о рисках, связанных с покупкой автомобиля после серьезного ДТП, и что его недействительность не вызывает у суда сомнений [68, 102].

Данное дело прекрасно иллюстрирует, как работают принципы добросовестности, разбивая миф, бытующий среди владельцев транспортных средств, согласно которому сделку купли-продажи подержанного движимого имущества со скрытыми дефектами практически невозможно расторгнуть.

Недействительность сделки очень часто может быть связана с использованием налоговой оптимизации и созданием фирм-однодневок для уменьшения налогового бремени, а также для незаконного вывода средств с расчетных счетов коммерческих организаций. При этом де юре такая компания может являться абсолютно законной, арендовать офис, сдавать отчетность и даже иметь собственный веб-сайт в ИТС «Интернет». Однако, с точки зрения российского законодательства и судебной практики даже наличие подписанных договоров, актов приема-передачи и других документов, сопровождающих сделку, истца не лишают потенциального права заявлять в суде о том, что сделка является недействительной [92]. Так, из материалов Арбитражного суда Вологодской области следует, что истец

потребовал расторгнуть договор строительного подряда, указав фактическое отсутствие какой-либо деятельности со своим контрагентом. Суд удовлетворил данные требования, сославшись, в числе прочего, на следующее:

«В пункте 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» разъяснено, что основанием для возникновения обязательства заказчика по оплате выполненных работ является сдача результата работ заказчику [86]. Наличие акта приемки работ, подписанного заказчиком, не лишает заказчика права представить суду возражения по объему, качеству и стоимости работ (пункты 12 и 13 данного Информационного письма)» [86].

Также нами был проанализирован ряд постановлений Верховного Суда РФ, среди которых можно выделить следующее.

Постановление Верховного Суда РФ от 22.12.2020 по делу № 305-ЭС20-22566 касалось оспаривания сделки в связи с ее заключением в интересах третьих лиц. В данном случае одна из сторон сделки продала земельный участок, который на момент заключения сделки был заложен в качестве обеспечения по кредиту у банка. После заключения сделки банк обратился в суд с требованием о признании ее недействительной, поскольку продавец не имел права распоряжаться заложенным имуществом без согласия кредитора. Арбитражный суд удовлетворил иск банка, а Верховный Суд РФ подтвердил это решение, указав, что сделка была заключена в интересах третьих лиц (покупателя земельного участка) и не имела цели удовлетворения прав банка, который владел заложенным имуществом. Поэтому сделка была признана недействительной в части, касающейся заложенного имущества [66].

Так, в параграфе 2.2 нашего исследования уже отмечалось, что в спорах физических и юридических лиц, при прочих равных, суд должен вставать на сторону гражданина, однако данный принцип не может напрямую и

непосредственно нарушать законные права юридического лица в качестве залогодержателя.

Для полноты нашего анализа остановимся на примерах Германии как классическом представителе континентального права. Если обращаться к судебной практике в рамках Федеративной Республики Германия, то можно заметить, что заявители оспаривают сделки, в большинстве случаев, по тем же основаниям, что и в России: сделки, связанные с кредитными договорами, недвижимостью, а также признанием бизнеса фиктивным [49]. Так, по данным портала «Rechtsportal.de», в 2023 году по ключевому запросу, связанному с признанием сделок недействительными, было зарегистрировано 11 судебных процессов (включая действующие), тематику которых можно определить следующим образом: расторжение трудового договора, частичное неисполнение обязательств по договору об оказании услуг, социальное страхование, фиктивный бизнес, недвижимость, а также налоговое законодательство [115].

Проводя параллели с российской судебной практикой, касающейся покупки участков, права на которые могут являться впоследствии отмененными из-за недействительности сделок, можно обратиться к материалам суда низшей инстанции Берлина, из которых следует, что ответчики купили землю под строительство совместного таунхауса у продавца, который впоследствии может быть признан банкротом (на момент написания работы суд ещё не закончился):

«При отсутствии альтернативных доказательств остается единственный вариант – сосредоточиться на главном аспекте спора, способного разрешить существующий правовой конфликт. В связи с этим можно констатировать, что конкретные вопросы законодательства о строительном подряде не будут играть существенной роли в дальнейшем разбирательстве, насколько это можно предвидеть. Наоборот, его исход, как в отношении иска, так и в случае встречного иска, будет в решающей степени зависеть от того, соблюдены ли предпосылки для заявления о несостоятельности, заявленные ответчиком.

Иные возражения ответчика против действительности договора купли-продажи (фиктивной сделки, нарушения закона и аморальности) не относятся к нормам закона о несостоительности и не являются правовыми аспектами, непосредственно связанными с оказанием строительных работ» [112].

Так, по состоянию на 17 мая 2023 года дело находится на рассмотрении, при этом суд указывает, что его конечное решение будет зависеть от признания либо непризнания продавца банкротом [91]. Как можно заметить, в Германии, также как и в России, с точки зрения материального права, права покупателя также не являются защищенными в мере, сопоставимой со стоимостью недвижимости [103].

Кроме того, в Германии, также как и в России, не используется система Торренса, при этом суды имеют право применять последствия недействительности сделок не только для сторон, чьё непосредственное правоотношение они рассматривают, но и для третьих лиц. Если проводить параллели с фирмами-однодневками, то непосредственный интерес для нашего исследования представляет дело о фиктивной поставке катодов, в соответствии с которым признание ряда сделок недействительными зависит не только от норм материального права, но и от фактических обстоятельств дела, выраженных в их возможной заинтересованности во вступлении в заведомо ложные правоотношения [113].

Таким образом, анализ судебной практики, а также трактовки Пленума Верховного Суда говорят нам о том, что одним из главных принципов, по которому суды решают признавать оспоримую сделку недействительной, является добросовестность. При этом, исходя из текстов решений, в судебной практике достаточно сложно встретить дела, в которых решения судов можно подвергнуть серьезной либо значительной критике. Кроме того, сравнительный анализ судебной практики России и Германии, во-первых, отразил близость двух правовых систем, во-вторых, показал, что дела, связанные с защитой покупателей недвижимости, исходя из действующей судебной практики, также являются схожими, а их проблемы – подобными. В

целом их можно охарактеризовать как низкий уровень защиты покупателей с точки зрения материального права. Так, по нашему мнению, позиции судов в отношении оспоримых сделок отвечают интересам общества и полностью соответствуют возложенной на них миссии, в особенности в спорах физических и юридических лиц. В целом, правоприменение оспоримых сделок может являться по-настоящему эффективным инструментом для защиты нарушенных прав и утверждения конституционной законности [36].

3.2 Перспективы совершенствования гражданско-правового регулирования института оспоримости сделок

Институт оспоримых сделок является относительно новым для российской правовой системы. Фактически, своё нынешнее состояние он обрел лишь в 2013 году, когда по замыслу С.С. Алексеева презумпция ничтожности была упразднена и вместо нее вводилось новое общее правило о том, что сделка, нарушающая требования закона или иного нормативно-правового акта, является оспоримой, если из положений закона не следует иного. Тем не менее, возможные пути совершенствования законодательства, касающегося оспоримых сделок, являются настолько всеобъемлющими, что сложно выделить какое-либо одно направление его развития [1, с. 96].

Так, нами были проанализированы ряд статей Гражданского кодекса, Пленума Верховного Суда и других нормативно-правовых актов, в результате которых предлагается внести следующие изменения в российское законодательство.

Основываясь на количестве судебных дел, связанных с оспорением сделок с недвижимостью, общем характере нарушений гражданского законодательства, наличии возможности заключения договора продажи недвижимости в простой письменной форме, что само по себе создает проблемы для субъектов правоотношений, нагружая суды множеством схожих дел, в соответствии с которыми многие сделки не доходят до стадии

государственной регистрации, оспариваются, создают благоприятные условия для непреднамеренного обмана и для мошенничества, мы считаем необходимым рассмотреть вопрос о постепенном внедрении системы регистрации недвижимости Торренса.

Безусловно, данный законопроект может быть связан с внесением изменений в статью 131 ГК РФ, признанием утратившим силу ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [100] и принятием нового закона, регулирующего государственную регистрацию, а также с внесением изменений в иные законодательные акты. На наш взгляд, постепенное внедрение элементов системы Торренса может являться одним из путей развития российского законодательства. Так, первый шаг на пути к внедрению данной системы может заключаться в создании специальных должностей, формирующих и отслеживающих цепочки купли-продажи самых разных объектом недвижимого имущества. Представляется, что один из данных специалистов должен иметь доступен для граждан и иметь широкие полномочия для поиска и обработки соответствующей информации. При этом впоследствии эксперимент по внедрению элементов системы Торренса можно распространить и на другие сделки, но вне института нотариального удостоверения [37].

Кроме того, в процессе проведенного исследования были выявлены неточности в некоторых нормах Гражданского кодекса. Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 167 ГК РФ «суд вправе не применять последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности» [23]. На наш взгляд понятия правопорядка и, тем более, нравственности являются чрезмерно отвлеченными, о чем указывается также и в Определении Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 N 226-О, в котором указывается следующее:

«Понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика,

однако они не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений; антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий» [58, 103].

На наш взгляд, данное Определение свидетельствует о том, что проблему формулировки подобных понятий в российском законодательстве не стоит преувеличивать, однако позиция Конституционного Суда также и не отрицает, что данные филологические конструкции, в целом, являются квазиюридическими.

В этом смысле наиболее оптимальным было бы изложить пункт 4 статьи 168 в новой редакции:

«Суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить интересам общества» [23].

Так, замена словосочетания «правопорядок и нравственность» понятием «общество» смогло бы сделать данную норму не только более точной, но и приблизило бы её значение к конституционным принципам защиты прав и свобод человека и гражданина, а также принципам института оспоримых сделок, чья юридическая природа заключается в возможности защиты собственных прав в той степени, в которой они нарушены».

Таким образом, пути совершенствования гражданско-правового регулирования института оспоримых сделок могут заключаться в изменениях специальных статей части первой и части второй Гражданского кодекса, а также во внедрение элементов системы регистрации сделок с недвижимостью Торренса [38].

Заключение

В результате проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы.

Основной критерий разграничения ничтожных и оспоримых сделок заключается в том, что последняя признается недействительной государством, как правило, в лице суда.

Ничтожные сделки являются очевидно недействительными на основании того, что противоречат законодательству юрисдикции, к которой они относятся, более того – они противоречат правовому обычаю.

Оспоримая сделка, напротив, изначально соответствует формальным нормам и обычаям, а её недействительность в большинстве случаев связывается с незначительными несоответствиями её юридического выражения с законами государства (государств), в котором она заключается и к которому она имеет непосредственное отношение.

Сам факт ничтожности сделки можно рассматривать противоречащим принципам государства, поэтому ничтожная сделка имеет также признаки административного правонарушения. При этом согласие сторон на исполнение условий ничтожной сделки не отменяет факт её ничтожности, так как нарушает права третьих лиц: государства и общества. В этом смысле ничтожная сделка может являться выражением гражданско-правового экстремизма, и в определенных случаях её стороны могут быть подвергнуты административным санкциям.

В свою очередь, ничтожные сделки, подвергнутые конволидации (юридическому исправлению), могут переходить в разряд оспоримых. Так, дифференциация на ничтожные и оспоримые сделки в некоторых случаях может являться весьма условной, а сама возможность законодательного и доктринального разграничения подвергается сомнениям многими российскими авторами в области цивилистики сделок и проблем разграничения данных понятий.

Под оспоримой сделкой следует понимать гипотетически недействительную сделку, которая может быть признана таковой судом по требованию стороны сделки либо третьей стороной, в том числе, государственными либо квазигосударственными органами (статья 166 ГК РФ).

В российском законодательстве сущность оспоримых сделок выражается в юридических последствиях возможности признания тех или иных сделок недействительными.

Сущность оспаривания заключается также и в реализации конституционных принципов (статья 2 Конституции РФ), принципов международного права, содержащихся в статьях 1, 3, 17, 23, 26 Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах в статьях 6-9, 13, 14, а также в других международных нормативно-правовых актах, гарантирующих гражданские права и свободы.

Оспаривание сделок позволяет реализовывать такие базовые права, как право на защиту и самозащиту гражданских прав.

Под конвалидацией оспоримых сделок подразумевается уникальная юридическая операция по исправлению оспоримых сделок до степени правовой приемлемости, направленная на защиту законных интересов как сторон самой сделки, так и публичных лиц (например, государства). При этом к способам конвалидации относятся следующие виды: последующее одобрение сделки, признание сделки судом, отказ от правоприменения, исполнение сделки.

Согласно Гражданскому кодексу РФ, существует несколько видов сделок, которые могут быть оспорены, такие как: сделки, совершенные юридическим лицом, выходящим за пределы своей правоспособности (ст. 173); сделки, совершенные с превышением полномочий на их совершение (ст. 174); сделки, совершенные несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 175); сделки, совершенные ограниченными в дееспособности

гражданами (ст. 176); сделки, совершенные гражданами, неспособными понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177); сделки, совершенные под влиянием заблуждения (ст. 178) или обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств (ст. 179).

Также следует отметить, что сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств, могут быть расторгнуты по заявлению потерпевшего в рамках уголовного дела.

В российском законодательстве физические и юридические лица обладают условно равной правосубъектностью. При этом, когда речь идет о правах человека, при равных условиях и в равном споре, при расторжении сделок суды обязаны становиться на сторону физического лица (статьи 17, 18 Конституции РФ). Так, с точки зрения ГК РФ наиболее часто встречающимися основаниями для оспариваний сделок юридических и физических лиц выступают следующие: сделка противоречит деятельности юридического лица, отсутствует согласие государственных и муниципальных органов (для некоторых организаций), от юридического лица выступают неуполномоченные лица (статьи 173, 173.1, 174 ГК РФ).

Признание сделок недействительными имеет юридический статус и влечет за собой три группы правовых последствий: общие, специальные и дополнительные. Общие последствия применяются в случае отсутствия законодательного регулирования специальных и дополнительных последствий. Специальные последствия напрямую определены законом, включая такие статьи, как 158, 173, 174, 171, 172, 175, 176, 177, 178, 169, 179 Гражданского кодекса РФ и статью 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Дополнительные последствия включают обязательство возместить материальный ущерб и обязанность государства принудить к такому возмещению. Кроме того, реституция сделки является общим

правовым последствием, предполагающим восстановление условий, существовавших до заключения сделки. Реституция может быть односторонней, двусторонней или многосторонней и может включать компенсационные и иные выплаты, как материального, так и нематериального характера.

На сегодняшний день вполне можно утверждать, что признание оспоримых сделок недействительными является одним из самых распространенных исковых требований в российской судебной практике. Так, по данным «СудАкт.Ру» только за 2022 год агентством было зафиксировано и занесено в базу 10989 судебных актов, связанных со статьей 166 ГК РФ. Из них 10886 по арбитражным делам, 15 – по гражданским в рамках общей юрисдикции, 88 – на уровне Верховного Суда РФ.

Анализ судебной практики, а также трактовки Пленума Верховного Суда говорят нам о том, что одним из главных принципов, по которому суды решают признавать оспоримую сделку недействительной, является добросовестность. При этом, исходя из текстов решений, в судебной практике достаточно сложно встретить дела, в которых решения судов можно подвергнуть серьезной либо значительной критике. Кроме того, сравнительный анализ судебной практики России и Германии, во-первых, отразил близость двух правовых систем, во-вторых, показал, что дела, связанные с защитой покупателей недвижимости, если основываться на делах, представленных в нашем исследовании, также являются схожими, а их проблемы – подобными. В целом, их можно охарактеризовать низким уровнем защиты покупателей с точки зрения материального права. Так, по нашему мнению, позиции судов в отношении оспоримых сделок отвечают интересам общества и полностью соответствуют возложенной на них миссии, в особенности в спорах физических и юридических лиц. В целом, правоприменение оспоримых сделок может являться по-настоящему эффективным инструментом для защиты нарушенных прав и утверждения конституционной законности.

Можно также предположить, что развитие гражданского права пойдет по пути всеобщей цифровизации, подобно тому, как цифровизировался рынок ценных бумаг. Так, с помощью системы блокчейна можно будет заключать любую сделку, например, купли-продажи автомобиля или недвижимости, которая будет практически неоспоримой. Подобные предложения можно встретить в китайской работе Чжана Сюэяна, в которой автор выступал с предложениями, относительно юридических лиц, а также в исследовании индонезийских ученых Т.В. Бамганг и Ж. Вуландари, где говорится о гарантиях реализации электронных нотариальных сделок, а также их экономичности, практичности и даже эргономичности. Стоит предположить, что подобные технологии в будущем могут быть полезны и для лиц физических. Особенно, если учитывать тот факт, что элементы и прецеденты уже имеются: электронная биржа, система «Госуслуг», электронный нотариат, подача электронных исков в суд, система Торренса и многое другое.

Кроме того, в результате нашего исследования мы предлагаем внести следующие изменения в российское гражданское законодательство:

1. Считаем необходимым рассмотреть вопрос о постепенном внедрении системы регистрации недвижимости Торренса.

Безусловно, данный законопроект может быть связан с внесением изменений в статью 131 ГК РФ, признанием утратившим силу ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и принятием нового закона, регулирующего государственную регистрацию, а также с внесением изменения в иные законодательные акты.

Так, первый шаг на пути к внедрению данной системы может заключаться в создании специальных должностей, формирующих и отслеживающих цепочки сделок купли-продажи самых разных объектов недвижимого имущества. Представляется, что один из данных специалистов должен быть доступен для граждан и иметь широкие полномочия для поиска и обработки информации, касающейся недвижимости, а также состояния лиц, вступающих в ту или иную сделку, в том числе: о наличии долговых

обязательств, о наличии открытых исполнительных производств, о состоянии в психоневрологическом и наркологических диспансерах, об образовании и другой информации, позволяющей составить краткое резюме и психологический портрет участников сделки. При этом впоследствии эксперимент по внедрению элементов системы Торренса также можно распространить и на другие вещные сделки, но вне института нотариального удостоверения.

2. Пункт 4 статьи 168 Гражданского кодекса РФ изложить в следующей редакции:

«Суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить интересам общества».

Так, замена словосочетания «правопорядок и нравственность» понятием «общество» смогло бы сделать данную норму не только более точной, но и приблизило бы её значение к конституционным принципам защиты прав и свобод человека и гражданина, а также к принципам института оспоримых сделок, чья юридическая природа заключается в возможности защиты собственных прав в той степени, в которой они нарушены».

Считаем, что гипотеза нашего исследования подтвердилась. Так, дальнейшие исследования могут заключаться в изучении особенностей применения электронных сделок в зарубежных странах, а также в изучении опыта по внедрению системы регистрации сделок с недвижимостью Торренса.

Таким образом, цели и задачи исследования достигнуты.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдиримов А.Ф., Озманиян Ю.З. Совершенствование нормативного регулирования признания сделок недействительными // Юридическая наука №10. Новосибирск. 2022. С. 96-100.
2. Аванесян Х.А. Роль государственных органов в защите прав участников недействительных сделок // Закон и право. 2010. № 6. С. 48-50.
3. Алексеев С.С., Архипов С.И. Теория государства и права / Издательство «Норма». 2005. 496 с.
4. Багаутдинов И.И. Гражданко-правовые последствия несоблюдения формы сделки // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 125-126.
5. Барташевич Б.В., Ладыка А.Е. Недействительные сделки и признание сделок недействительными // E-Scio. 2019. № 6. С. 619-624.
6. Боброва М.В. Место сделок с пороками воли и субъектного состава в системе недействительных сделок // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. № 2. С. 84-87.
7. Богданова Б.Ц. Конвалидация недействительных сделок в гражданском праве // Всероссийский исследовательский форум студентов и учащихся: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции (Петрозаводск, 25 ноября 2021 года). С. 160-165.
8. Бурибаев Т.Н., Гачина А.А. Конвалидация недействительных сделок и принцип эстоппель // Экономика. Право. Общество. 2020. № 4. С. 77-86.
9. Бурибаев Т.Н., Гачина А.А. Конвалидация недействительных сделок и принцип эстоппель // Экономика. Право. Общество. 2020. № 4. С. 77-78.
10. Варюшин М.С. Гражданко-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: монография. М.: Юрлитинформ. 2016. С. 61-70.

11. Внукова В.А., Ченцова К.В. Об актуальных проблемах совершенствования законодательства об изменении дееспособности // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 1-2. С. 115-118.
12. Воробьёва Е. А. Правовое регулирование сделок, требующих согласия, по гражданскому законодательству Российской Федерации. Диссертация канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. М. – 2016. С. 34-35.
13. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», № 67, 05.04.1995.
14. Гаврюшко А.С. Принципы гражданского права // Синергия наук №65. Москва. 2021. С. 133-141.
15. Гамбаров Ю.С. Недействительность сделок: ничтожные и оспоримые сделки // Закон. 2010. № 11. С. 1-172.
16. Гойна А.Е., Колесникова В.А. Проблема разграничения ничтожных и оспоримых сделок // Полиматис. 2017. № 3. С. 8-12.
17. Голенева О.В. Понятие и виды недействительных сделок // Научный электронный журнал «Академическая публицистика» №11-1. Уфа. 2022. С. 255-260.
18. Голобородкина Е.В. Правовая природа оспоримых сделок, новые тенденции гражданского законодательства Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4. С. 173-177.
19. Голобородкина Е.В. Правовые последствия совершения оспоримой сделки // Власть Закона. 2014. № 3. С. 177.
20. Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение. Диссертация канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право. Уфа. 2014. С. 38-39.

21. Голубцов В.Г., Кузнецова О.А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 348–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.
22. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410.
23. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994.
24. Гулиева М.И. Основная классификация правовых последствий недействительности сделок // Научный электронный журнал «Меридиан» №7(60). Москва. 2021. С. 146-148.
25. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2007. 491 с.
26. Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 6. – С. 48-65.
27. Давудов Д.А., Лаврова О.В. Ничтожная сделка: понятие и признаки // Student. Волгоград. 2020. С. 156-159.
28. Дамбаева Л.Б. Особенности недействительной сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник статей VI национальной научно-практической конференции (Краснодар, 14 апреля 2021 года). С. 54-56.
29. Демидюк В.А. Анализ правовой природы недействительных сделок // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 1. С. 203-205.

30. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение и часть общая. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. С. 884-885.

31. Евтюнина З.Г., Юркова О.Ю. Правовая безграмотность или актуальные проблемы образования // Неделя науки СПбГПУ: Материалы научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 19–24 ноября 2018 года). С. 72-75.

32. Егорова М.А. Положения о недействительности договора в свете модернизации российского гражданского законодательства // Законодательство. 2014. № 6. С. 28-34.

33. Жильцова Л.А. Сравнительно-правовой анализ недействительности сделок на примере законодательства России, Германии и Китая // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXVI Межвузовской международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию Красноярского ГАУ (Красноярск, 21-22 апреля 2022 года). С. 495-498.

34. Забоев К.И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. 2015. № 9. С. 53-54.

35. Иванов А.И., Савельев Е.Д. Актуальные проблемы признания сделки недействительной по ст. 177 гражданского кодекса Российской Федерации: материалы научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 18-23 ноября 2019 года). С. 197-199.

36. Иванова Т.К. Классификация и виды недействительных сделок несостоятельного должника // Вестник ВЭГУ. 2018. № 2. С. 135-141.

37. Кагальницкова Н.В. Теоретико-правовые проблемы разграничения оспоримых и ничтожных сделок в гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 1. С. 104-109.

38. Калинина О.Е. Особенности применения оспоримых сделок в гражданском обороте // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2. С. 126-127.

39. Керимов А.И. К вопросу о классификации недействительных сделок // Российское правосудие. 2012. № 10. С. 57-65.

40. Князькова Т.С. К вопросу о целесообразности законодательного разделения сделок на ничтожные и оспоримые // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 30 апреля 2019 года). С. 215-217

41. Кожокарь И.П. Правовые последствия недействительности мнимой сделки // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2. С. 163-170.

42. Козлова М.Ю., Тихомирова Т.И. Кабальные сделки: история и современное состояние правового регулирования // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. № 17. С. 10-13.

43. Коломейцева В.Ю. Недействительность сделок: сравнительный анализ ничтожных и оспоримых сделок // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №11-2 (62). С. 156-159.

44. Кондакова Л.Д., Шульга А.К. Некоторые правовые аспекты опеки и попечительства // Эпомен. 2018. № 17. С. 48-49.

45. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

46. Лазарева А.С. Проблемные аспекты условий недействительности сделки // Философия социальных коммуникаций. 2018. № 1. С. 16-19.

47. Лунева С.П. Оспоримые и ничтожные сделки: новеллы законодательства // Юридические исследования. 2013. № 3. С. 48-49.

48. Макарова О.А. Недействительность сделки, совершенной без согласия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 20-23.

49. Мальков Ф.О. Оспоримые и ничтожные сделки в гражданском праве России // Актуальные научные исследования в современном мире № 10-7. 2020. С. 49-52.

50. Маразуев А.В. Проблема признания сделки недействительной в российской классической цивилистике // Актуальные проблемы права: материалы III междунар. науч. конф. (Москва, 1 ноября 2014 г.). С. 73-79.

51. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 12, 1994.

52. Мейер Д.И. Русское гражданское право: Издание пятое. М.: Книга по Требованию. 2012. С. 177-178.

53. Меркулина Е.Ю. Соотношение ничтожных и оспоримых сделок // Молодой юрист: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 30 апреля 2021 года). С. 26-28.

54. Митюшина Н.И. Оспоримые и ничтожные сделки: проблемы квалификации и разграничения // Наукосфера №6-1. Смоленск. 2021. С. 417-420.

55. Неижкаша И.С. Сделки, совершённые под влиянием обмана // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9. С. 73-77.

56. Некрасов Николай Алексеевич, Некрасов Николай Алексеевич // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохоров — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969.

57. Низамова Г.Х. Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества: сборник статей Международной научно-практической конференции (Саратов, 10 апреля 2020 г.). С. 64-67.

58. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 N 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса

Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» // Информационно-справочная система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=611dGw&base=LAW&n=49667&dst=100011&field=134#hPqRPdTVSkGu8cw4/> (дата обращения: 05.05.2023).

59. Останина Е.А. Эстоппель и подтверждение сделки // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2013. № 11. С. 38-45.

60. Официальный сайт АО «Тинькофф банк». Тинькофф инвестиции // [электронный ресурс]. URL: <https://www.tinkoff.ru/invest/> (дата обращения: 17.05.2023).

61. Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты. Электронный нотариат – защита и правовые гарантии в условиях цифровизации // [электронный ресурс] URL: <https://notariat.ru/ru/ru/news/elektronnyj-notariat-zashita-i-pravovye-garantii-v-usloviyah-cifrovizacii> (дата обращения: 17.05.2023).

62. Першина Е.А. Некоторые проблемы заключения сделок в устной форме // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвузовский сборник научных трудов №1. Самара. 2020. С. 79-82.

63. Петрищев В.С. Проблемы применения норм о недействительности сделок в свете изменений Гражданского Кодекса РФ // Закон. 2014. № 12. С. 134-135.

64. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права: в 3 частях / И. А. Покровский. – Репр. изд. 1917 г. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – Часть 1. – 115 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=108736> (дата обращения: 29.06.2023). – ISBN 978-5-4460-8801-0. – Текст: электронный.

65. Портал государственных услуг Российской Федерации // [электронный ресурс] URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 17.05.2023).

66. Постановление Верховного Суда РФ от 22.12.2020 по делу № 305-ЭС20-22566 // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/P15x5xwJxJcI/> (дата обращения: 05.05.2023).

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 8, август, 2015.

68. Постановление ФАС Московского округа от 03.02.2021 по делу № А40-148118/2020 // [Электронный ресурс]. URL: <https://fasmoscow.arbitr.ru/press-center/news/2021/02/03/137979.html> (дата обращения: 05.05.2023).

69. Пушкиова Ю.Р. Ничтожные и оспоримые сделки в российском гражданском праве: основания для разграничения // Вестник Международного юридического института. 2017. № 1. С. 178-179.

70. Пятков Д.В. О допустимости оспоримых сделок как средства медиации // Пролог: журнал о праве. 2016. № 1. С. 27-31.

71. Решение № 2-108/2022 2-108/2022(2-4656/2021;)-M-4502/2021 2-4656/2021 М-4502/2021 от 17 февраля 2022 г. по делу № 2-108/2022 Ленинский районный суд г. Махачкалы (Республика Дагестан) // [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/PdO2gTZtsYZG/](https://sudact.ru/regular/doc/PdO2gTZtsYZG/) (дата обращения: 05.05.2023).

72. Решение № 2-1233/2021 2-2/2022 2-2/2022(2-1233/2021;)-M-1131/2021 М-1131/2021 от 17 февраля 2022 г. по делу № 2-1233/2021 Шебекинского районного суда (Белгородская область) // [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/Lk8kp2aTysUt/](https://sudact.ru/regular/doc/Lk8kp2aTysUt/) (дата обращения: 05.05.2023).

73. Решение № 2-2027/2020 2-331/2021 2-331/2021(2-2027/2020;)-М-1651/2020 М-1651/2020 от 25 июня 2021 г. по делу № 2-2027/2020 Ярославского районного суда Ярославской области // [Электронный ресурс]. URL://sudact.ru/regular/doc/tUonGQBZi9Zr/ (дата обращения: 17.05.2023).

74. Решение № 2-211/2020 2-211/2020~М-212/2020 М-212/2020 от 16 ноября 2020 г. по делу № 2-211/2020

75. Решение № 2-253/2022 2-5492/2021 от 18 февраля 2022 г. по делу № 2-3882/2021 Ленинский районный суд г. Махачкалы (Республика Дагестан) // [Электронный ресурс]. URL://sudact.ru/regular/doc/YH5cKAsJ2Rop/ (дата обращения: 05.05.2023).

76. Решение Верхотурского районного суда Свердловской области // [электронный ресурс]. URL: //sudact.ru/regular/doc/aejJ6VK0mYmX/ (дата обращения: 17.05.2023).

77. Рыженков А.Я. Понятие и признаки кабальных сделок // Бизнес. Образование. Право. 2013. № 2. С. 243-244.

78. Рыженков А.Я. Юридический состав кабальной сделки // Гражданское право. 2013. № 6. С. 6-10.

79. Рябов А.А. Институт недействительности сделок и финансово-правовые договоры // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 60.

80. Рязанов Е.Е. Сделки в гражданском праве Российской Федерации: учебное пособие / В.Г. Голышев, А.В. Голышева, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов, М.В. Токмовцева. – М.: Московский городской педагогический университет, 2022. – С. 28-45.

81. Ряснова Л.А. Сущностные аспекты некоторых видов оспоримых сделок в гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: взгляд молодого ученого: сборник Всероссийской студенческой научно-практической конференции (Пермь, 30 ноября 2019 года). С. 273-277.

82. Саглавева Н.А. Об актуальной для экономического оборота цивилистической проблеме сущности, видов «представительства без

полномочия» и расположения среди этих видов случаев «заключения сделки неуполномоченным лицом» // Альманах Крым №19. Севастополь. 2020. С. 49-64.

83. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до наших дней // Издательство «Проспект». 2012. С. 3-32.

84. Система «Электронное правосудие» // [электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 17.05.2023).

85. Солохин С.С. Система регистрации перехода прав на недвижимость Роберта Торренса // Инновационная наука №9. Уфа. 2018. С. 45-49.

86. Судебные и нормативные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.05.2023).

87. Сухочев А.В. Оспоримые сделки в гражданском праве России: монография. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 59.

88. Тарасевич М.А. Защита прав добросовестных участников недействительных сделок // Социальные науки. 2020. № 4. С. 148-153.

89. Татарчук М.А. Конвалидация недействительных сделок: правовые проблемы // Научный электронный журнал «Меридиан» №17(51). Ростов-на-Дону. 2020. С. 69-71.

90. Тетёркин А.Е. Недействительные сделки: проблемы дефиниции и классификации // Молодёжь, наука и цивилизация: материалы международной студенческой научной конференции (Красноярск, 19 мая 2022 года). С. 191-193.

91. Травина О.В. Оспаривание сделок. Недействительность сделок при банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 57-61.

92. Трофимик А.Г. Недействительность сделок с заинтересованностью, совершенных акционерными обществами: опыт сравнительно-правового исследования: монография. М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ. 2018. С. 87.

93. Трофимик А.Г. Недействительность сделок с заинтересованностью, совершенных акционерными обществами: опыт сравнительно-правового исследования: монография. М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ. 2018. 116 с.

94. Тужилова-Орданская Е.М. Генезис теоретико-правовых взглядов на конвалидацию недействительной сделки в дореволюционном и советском гражданском праве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 56-60.

95. Тюльпарова А.Р. Недействительные сделки по законодательству Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2012. № 1. С. 228-231.

96. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

97. Ульянов А.В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 294 с.

98. Федеральный закон от 03.07.2016 N 230-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // «Российская газета», N 146, 06.07.2016.

99. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // «Собрание законодательства РФ», 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3431.

100. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // «Российская газета», N 156, 17.07.2015.

101. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.04.2023) // «Российская газета», N 209-210, 02.11.2002.

102. Филиппова О.С. Крупные сделки акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью: монография. М.: Юрлитинформ. 2016. 396 с.

103. Фомина О.Ю. Влияние материальных норм на процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 4. С. 138-142.

104. Шайбекян М.С. Недействительные сделки и их виды // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: сборник статей по материалам XLI международной научно-практической конференции (Москва, 11 июля 2020 года). С. 62-66.

105. Шевчук, С. С. Гражданко-правовые сделки : учебное пособие / С.С. Шевчук. – Ставрополь: изд-во СКФУ, 2014. – 157 с. – URL: <https://rucont.ru/efd/578873> (дата обращения: 29.06.2023)

106. Шевчук С.С., Херовинчук И.С. О некоторых проблемах становления института конвалидации (исцеления, оздоровления) сделок // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 4. С. 378-382.

107. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017.

108. Шихова Е.М. Отдельные проблемы недействительности гражданско-правовых сделок // Скиф №1(53). Киров. 2021. С. 193-196.

109. Ютуб-канал ООО «Аллиам». Разговор с сотрудниками банка «Тинькофф» // [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/UpPCQwmsEVM> (дата обращения: 04.05.2023).

110. Ambury J. M. Socrates // Internet Encyclopedia of Philosophy. 2020. Retrieved 2 June 2021 [electronic resource]. URL: <https://iep.utm.edu/socrates/> (date of access: 17.05.2023).

111. Davis J.P. Legal Ethics, Legal Dualism, and Fidelity to Law (March 24, 2021). Univ. of San Francisco Law Research Paper No. 2021-02, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3811844> <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3811844>.

112. Decision of the lower court of Berlin in case no. 2 AP 2/23 // [electronic resource]. URL: <https://www.rechtsportal.de/Rechtsprechung/Rechtsprechung/2006/BGH/Beurkundungsbeduerftigkeit-muendlich-besprochener-Umstaende-Beruecksichtigung-neuer-Nichtigkeitsgruende-eines-notariellen-Vertrages-in-der-Berufungsinstanz?h=&p=7&searchTerm=Nichtigkeitsgr%C3%BCnde> (дата обращения: 17.05.2023).

113. Decision of the lower court of Berlin in case no. № 1 StR 22/23 // [electronic resource]. URL: <https://www.rechtsportal.de/Rechtsprechung/Rechtsprechung/2023/BGH/Steuerhinterziehung-durch-Handel-mit-Kupferkathoden-i.R.e.-Mehrwertsteuerbetrugskette-Einziehung-des-Wertes-von-Tatertraegen?h=&p=3&searchTerm=Scheingesch%C3%A4f> (дата обращения: 17.05.2023).

114. Epicurus. entry by David Konstans in the Stanford Encyclopedia of Philosophy, 16 April 2018.

115. The official portal of German jurisprudence "Rechtsportal.de" // [electronic resource]. URL: [https://www.rechtsportal.de/Rechtsprechung/Suche?search%5BsearchTerm%5D=Scheingesch%C3%A4f&locationId=73&search\[html_article/datumjahr\]=2023&search\[offset\]=0](https://www.rechtsportal.de/Rechtsprechung/Suche?search%5BsearchTerm%5D=Scheingesch%C3%A4f&locationId=73&search[html_article/datumjahr]=2023&search[offset]=0) (date of access: 17.05.2023).

116. Widlo J. Exploitation in terms of an amendment to the Civil Code of Poland // Right and bond №3(41). 2022. P. 130-148.

117. Wulandari R., Bamgang T.B. Implementation of Electronic System based on Notary Administration // Journal Konstatering. Vol 1, No 1 (2022). P. 226-239.

118. Xueyan Zh. Discussion on Ineffective Transaction Costs of Chinese Enterprises // Journal of Social Sciences. 2013. Issue (1).